

И. Сотников

Псих

Избранная демонология

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Сотников

Псих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48409325

SelfPub; 2019

Аннотация

Всё началось, как это всегда бывает и думается, со случайной встречи. Клиент банка вручил записку и... А дальше всё предсказуемо пошло кругом. Но так ли случайна эта и другие типа случайные встречи, и это ли начало всего? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	42
Глава 4	89
Глава 5	113
Глава 6	134
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Глава 1

В которой так и осталось невыясненным, что важнее: меж тем или меж теми

– Дайте мне условность, и я создам новый мир, – распыхлялся перед своим товарищем, ничем непримечательный среди таких же посетителей бара молодой человек, который, впрочем, своим буйным видом вносил некоторый диссонанс в ряды любителей горячительных напитков, которые к этому времени ещё не успели распряхь в себе зверя, и тем самым – выпустить его на свободу.

Конечно, среди посетителей бара были и те, кто ещё со вчерашнего пребывали в должном настрое, но они всё-таки уже не могли найти в себе столько сил, чтобы самым видным образом показать себя, и поэтому находились «в осадке», молча восстанавливая свои силы в уголке бара.

– Дайте только время, – как часто поговаривал бармен. – И уж тогда вам не нужен будет никакой зоопарк.

Так что наш, такой волнительный молодой человек, был всего лишь одним из первых среди равных, которые только и ждали своего часа, чтобы предстать перед окружающими во

всей своей красивой, либо же какой есть изнанке. Да именно так, ведь им – любителям истины – нечего стесняться, раз естество – есть непреложная истина, и от неё никуда не деться.

– Бог, этот первый фантаст, создал свою условность – человека – и уже через него мог творить и создавать временность в своём мире, – подкрепляя свои слова крепкими напитками, продолжал доводить свою мысль до товарища этот волнительный молодой человек.

– Но в том-то и дело, что любой созданный тобой мир, будет существовать только с твоей позиции человека и – никак иначе, – отвечал ему, как оказалось, очень рассудительный его товарищ.

– В этом-то и загвоздка, – в сердцах бросил этот волнительный молодой человек, закинул в себя рюмку и, сказав своему товарищу: «Я сейчас», насколько бодро, настолько же и не стройно двинулся в темную сторону этого заведения, где по его предположению должна была находиться кабинка экстренных необходимостей, в каких в данный момент и испытывал нужду его организм.

– Да, что-то он быстро накачался, – посмотрев вслед качающемуся другу, дал оценку тому его товарищ.

После чего он окинул зал взглядом и, не заметив на данный момент привлекательных целей, расслабился, а так как он вслед за другом не спешил и, видимо, не особо предполагая заняться чем-то другим, решил тем же темпом поедать

заказанные им закуски.

– Дайте ему условность. Ха-ха! Где-то и от кого-то я уже это слышал, – рассуждал наблюдавший за разговором этой парочки друзей один из тех, кто был наделен этой сущностью и названный в простонародье Асмодеем, ввиду того, что имел сильно субъективный во всех его проявлениях взгляд на мир.

Асмодей и его визави – Серафимы – в это время находились в одном из контрольно-наблюдательных пунктов, из которого и могло осуществляться столь пристальное слежение за этим требующим наблюдения молодым человеком. Которое, конечно же, легче вести из того места, и которое – в силу принятого человеком заблуждения – почему-то относят к плечам наблюдаемого, на которых так удобно, свесив ноги, помещаются, и ангелы и бесы, что является досужим вымыслом тех, кто не слишком утруждает свои плечи разгибаниями, предпочитая всем другим местам свой любимый диван. К тому же упоминание плеч – есть всего лишь иносказание, имеющее под собой значение расстояния, на котором находится этот индивидуум от ангела или от того же беса, употребление которого, надо сказать, в некотором роде неточно и весьма оскорбительно для ангелов, находящихся на другой плечевой ступеньке развития.

– Это ты про кого там намекаешь? – бросает на Асмодея свой строгий взгляд Серафимы.

– Не упоминай имя господа своего всеу, – дерзок, посме-

ивающийся Асмодей.

– Знаешь, что? – пламенеет Серафимы.

– Конечно, знаю, что ты от первого лика загораясь, – все ухмыляется контрпродуктивный Асмодей.

– Ладно, чего я вообще завожусь. Знаю же, что ты таков и, закостенев в неправедности, не можешь иначе, – успокаивается Серафимы.

– Я-то закостенел? Ха-ха! Кто бы говорил?! – уставился на Серафимы Асмодей. – И это говорите мне вы, лицемерные ангелы, живущие временами до явления Евы, но так и не решившиеся определиться со своим местом на свете.

– Ты это, о чём? – делая непонимающий вид, говорит Серафимы.

– Ой, как будто не знаешь?! Мы – падшие ангелы – почувствовали, чем всё дело закончится, и не смогли пойти против наших убеждений, за что и поплатились. В чём насколько не раскаиваемся, – сказал Асмодей.

– Ну ещё бы, раскаиваться мы не привыкли, – вставила своё слово, покачивая головой, Серафимы.

– Может, дашь мне сказать? – упрекнул их Асмодей.

– Молчу, – насупилась Серафимы.

– Грош цена убеждениям, если за них не приходится платить, а чем больше заплачена цена – тем они и ценнее для нас. Было ясно, что творец не остановится на одном человеке и пойдёт дальше, так, что нам ничего другого не оставалось делать, как и произвести свой выбор, став падшими ангела-

ми. Вы же, оставшись на прежнем месте, так и не поняли, что с появлением человека, а главное – явлению миру Евы, разделившее мир на до и после, при котором и случился тот концептуальный разворот в видении творцом мира, который с того момента стал разделен на две противоборствующие субстанции, мужского и женского «Я». И если мы, оставшись верными своей природе, оставили за собой мужское имя – падший, то вам предстояли свои изменения, которые вы так и не собираетесь признавать. Вы же, нося мужское имя – ангел, тем не менее, в сущности уже давно имеете под собой женскую основу. Ты ведь знаешь, что слово «ангел» уже давно ассоциируется с женским началом, которое было отдано прямо в руки Евы, и из-за которой и произошел ангельский раскол, – усевшись на край стола, заявил Асмодей и посмотрел застывшими глазами на Серафимы, пылавшей огнем. – Хотя, знаешь, в твоём случае я даже рад, мой ангелок.

– Это что за фамильярности?! – горя огненным светом, вскипела Серафимы.

– Ты же знаешь, что я обо всем этом думаю, Сима, – придвинулся к ней Асмодей. – Разве гений моего тёзки Амадея, воспевая тебя и передавая от меня восточку, мало, что для тебя значил? А ведь мне пришлось немало с ним потрудиться и даже пойти на нарушение наших правил.

– Вам-то, падшим, ниже падать некуда, так чего тебе может грозить?– усмехнулась Сима.

– Знаешь, будь на твоём месте тугодум Гавриил – я ему бы

показал, так, что не испытывай судьбу, – зловеще произнёс Асмодей.

– Что? Ты меня пугаешь? – дерзко смотрит на него Серафимы.

– Сима, ты же знаешь, что я не могу на тебя сердиться. Просто, когда дело касается моего мировоззрения – я всегда серьёзен. Говоришь, что нам, находящимся в самом аду, нечего бояться, и значит у нас невозможно существование какого-то порядка, кроме хаоса? Эх, Сима, всё ты витаешь в облаках иллюзий. Если хочешь знать, мы – падшие ангелы, пошедшие за Люцифером до самого ада – только и могли решиться на этот шаг, и только будучи убежденными в истинности его верований. Мы все здесь идейные, и именно единомыслие служит тем остовом, который и крепит наш мир. И, наверное, только существование призрачной тени сомнения в том, что твоя идейность – есть ложный вымысел, только и может страшить многих из нас, ведь раз существует человек, как идея бога, то мы, падшие ангелы, разве недостойны своей собственной идеи? Так что, оказаться в подозрении на сомнении в верности идеи ангела, как самостоятельного элемента, и тем самым оказаться отверженным без имени – и есть то, что держит всех нас в узде, – высказался Асмодей, задумавшись над чем-то.

– А ты не боишься, вот так мне рассказывать все ваши секреты? Вот возьму и поведаю все твоему начальнику Баалу. А, Асмодей? – прищурился свои глаза, заявила Сима.

– Ты же – ангел, и не способна на такое, – приблизившись вплотную к Симе, прошептал ей Асмодей.

– В том-то и дело, что у нас ничего не получится, раз я – ангел. А став твоей, я стану падшей, и сам понимаешь, что здесь-то круг и замкнулся, – отталкивает его Серафимы.

– Чёрт возьми! – кипит от гнева Асмодей.

– Ты говори, да не заговаривайся, – отвечает, имеющая право на такие же эмоции, но всегда держащая себя в руках, Серафимы.

– Бывает, – усмехнулся Асмодей. – В нашем случае упоминание всуе даже очень полезно. Успокаивает, знаешь ли, нервы. Кстати, из ведомства Агареса к нам недавно поступила странная заявка. М-да... – недоговорив, задумался Асмодей.

– Ну, чего замолчал-то? – заинтересовалась Сима.

– Знаешь, мне надо вначале разобраться, а уж потом я тебе расскажу. Ты же знаешь, у нас, не смотря на общность идей, существует своя межведомственная детализация этих идей, отчего и возникают свои трения. Ведь здесь вступили в противоборство не просто два наших основных ведомства, отвечающих за разный подход к делу, здесь задет сам принцип, где главенство – и есть высший принцип. Так, Агарес, отвечающий за силовые структуры, делает ставку на физическое воздействие, против которого, по его мнению, ничто не вечно под луной. Раскаленную кочергу ему в задницу, и все дела. Ведомство же Баала, который во главу угла ставит пси-

хологическое воздействие, имеющее куда как большие временные рамки влияния по сравнению с физическими вариантами – находится в жестком противостоянии с тем же Агаресом. И теперь у нас (несмотря на то, что все идейные) уже некоторые начинают сомневаться в идейности тех, кто имеет иную точку зрения, и они уже ищут среди других ведомств отступников общего дела, доходя до обвинений оппонентов в работе на бога. Да, уж... Но мне кажется, что это всё ведётся с одной лишь целью: занять более высокое место в нашей иерархии, – заявил Асмодей.

– А я-то думала, что у вас тишь да гладь, и только стоны грешников неизредка прерывают вашу не благословенную тишину. Кстати, как ты можешь работать в таком шуме. Поди, что в горячую сетку записан, и молоко за вредность выдают, – усмехнулась Сима.

– Ну, ты умеешь развеселить, – улыбнулся Асмодей. – Знаешь, не всё так уж и плохо. Ведь ко всему привыкаешь. Ладно, хватит о ненасущном, лучше давай поговорим о нас, – горят глаза у вновь приближающегося к Симе Асмодея.

– Всё, поговорили, а теперь – за дело, – неумолима Сима.

– А всё потому, что ты не даёшь мне шанса, – с горечью молвит Асмодей.

– Не искушай меня, Асмодей, – отталкивает демона Серафимы и, подойдя к находящемуся в этом кабинете шкафу, открывает один из ящиков и достаёт из него папку, после че-

го возвратившись к столу, за которым находилось наблюдательное экранное поле, становится рядом с креслом, оставляя его пустым, в силу имевшегося среди ангелов поверия, что в ногах правды нет, а есть непреложная истина, отвергающая значимость воздействия бытия на крепость веры.

Поэтому ангелы, в случаях, когда дело касалось человека с его противоречивыми сомнениями, никогда не садились и занимали стойкую позицию, что было также усвоено и человеческой паствой, её здоровой не имеющей ортопедических проблем частью, старающейся говорить с богом на равных, не ища отговорки на некрепость ног.

– Что это?– интересуется Асмодей.

– Дело нашего парня, – листая папку, говорит Серафимы.

– Не делай вида, как будто ты его не помнишь. Чему, надо заметить, вы не обучены, – иронизирует Асмодей.

– Будь уверен, что тебя-то я, как раз никогда не забуду, – отвечает Серафимы, продолжая листать папку.

– Только на господу и на это, я и уповаю, – всё не уймётся Асмодей.

– А вот, нашлось, – достав отдельный файл и повернувшись к Асмодею, сказала Серафимы.

– Ну-с, – интересуется Асмодей.

– Заявка родителей на рождение, – следует ответ Серафимы. – Так, что тут у нас?

Она бегло просмотрела страницы заявки, которая включала в себя не только обоснования кандидатов в родители

своих пожеланий на получение доступа к чуду рождения, но и приложения, в которых были зафиксированы все параметры и характеристики предполагаемых кандидатов.

– Ага. Всё как обычно, без всяких там залетов, к которым кто-то, не буду показывать пальцем, частенько склоняет неокрепшие души, – на секунду бросила взгляд на Асмодея Сима, который, между тем только усмехнулся, заявив:

– В мире – демографический кризис, так что пытаемся найти хоть какие-то решения.

– Ты мне тут зубы не заговаривай, – одёрнула того Серафимы, но потом, по мере читки текста, её глаза осветились добром, как это происходит в минуты наивысшего благосогласия, которое всегда желает поделиться с другими, и Сима проговорила вслух. – Вот, мамочки всегда умеют найти нужные доводы и слова. Любовь, и больше ничего кроме неё, не может быть основанием для подачи заявки на разрешение зачатия плода. А ты мне тут трезвонишь о какой-то там необходимости, о неких технических аспектах, опять же – при той же неразумности в подходе к этому действию, просто, оксюморон какой-то.

– Ну, а чем мотивирует своё решение её партнёр? – пропуская претензию мимо ушей, Асмодей переводит разговор.

– Хм, партнер. Умеешь же ты найти слова, – строго смотрит на Асмодея Серафимы, затем возвращается к читке и сообщает: – А знаешь, я удивлена, его пожелания полностью находятся в согласии с мамочкой. Так что, перед нами пред-

стал плод истинной любви, – горят добром глаза Симы.

– Ну, я бы не был столь категоричен и не стал бы бросаться такими высокопарными словами, – идёт наперекор Асмодей.

– Что тебя опять не устраивает?! – горят огнём глаза Серафимы.

– Самой любви ещё далеко до субстанции истины. Хоть и кричит бог, что любовь – это и есть высшая субстанция, без которой невозможно существование всего сущего, но, по моему мнению, это верно лишь отчасти. Любовь, по своим качественным характеристикам, пока что достигла только высот панацеи, и всё. И пока в ней присутствует материальность в виде ревности – она всего лишь есть дженерик истины. Так что, творцу ещё трудиться и трудиться над ней, ведь ты же сама знаешь, его нарциссическую ревность к себе, – на последних словах он издевательски ухмыльнулся, этот критически настроенный к существующему режиму оппозиционер.

– Ты опять за своё? – спокойно говорит Серафимы, уже устав спорить с ним.

– Ты же знаешь, чего бы я хотел взять, как своё, – хитро подмигивает Асмодей Симе.

– Прекрати, – со смехом отбивается Сима от поползновений, ни на секунду не упускающего возможности пошалить Асмодея, который, может быть, только ради неё и вызвался работать в этот наблюдательный совет.

Когда же после определенных увещаний и просьб со

стороны Сима и ответных заверений Асмодея борьба была закончена, Сима вернулась к папке и продолжила её изучение.

– А она – хорошенькая, – из-за спины Сима заявил Асмодей, разглядывая мамочку.

На что неминуемо последовала расплата в виде ответа Сима, который на этот раз совершенно не подразумевал словесных выпадов и был сведён к удару Симой локтем назад, под дых этому... ладно, любителю красоток, но при этом имеющего наглость заявлять об этом в присутствии неких других особ, коим, может быть, не всегда интересно это слышать или, если и слышать подобные слова, то – в свой адрес, чего, пожалуй, не дождёшься от этого остолопа. Нечистая сила, одно слово...

– Ой, а он-то, явно не красавец, – перевернув страницу, Сима воззрилась на мужского претендента на отцовство.

– Вот тебе и ответ на любовную пылкость партнера, – всё не образумится хихикающий Асмодей.

– Ну и что с того? Сила любви не зависит от внешних качеств индивидуума, – строга Серафимы.

– Зато взаимность, ох, в какой зависимости находится от них, – парирует Асмодей.

Но Серафимы не отвечает ему на его выпад, продолжая листать дело, время от времени, то хмурясь, то – наоборот, озаряясь светом, на который так любит смотреть Асмодей, и только благодаря чему он не лезет к ней со своими замеча-

ниями.

– Слушай, а ты мне ничего не хочешь сказать? – дочитав до конца дело, Сима обратилась к Асмодею.

– А в чём дело, – непонимающе отвечает ей Асмодей.

– А в том, что уж больно оно мне знакомо, – не сводя глаз с Асмодея, проговорила Серафимы.

– Так ты уже об этом в самом начале говорила, – улыбается Асмодей.

– Ну, забылась. И что? – невозмутима Сима

Затем её как будто осеняет догадка, и она с видом, который так часто демонстрируют люди, готовые воскликнуть: «Эврика!», – заявляет нечто подобное этому: «Нашёл!».

– Так это же... Тот самый... – задумавшись, говорит она.

После чего Сима, переполненная волнением, вззрется на Асмодея, ожидая от него требуемой реакции.

А тот делает непонимающий вид, со своим несоответствующим ее словам вопросом:

– Ты это, о чём?

– Как это, о чём? Я же тебя на минутку попросила проследить за младенцем и... Что теперь?! – с ужасом причитает Сима.

– И, что теперь? – непробиваем этот ухмыляющийся Асмодей.

– Ну, я пока ещё не знаю...

Перебирая в уме варианты всех возможных вероятностей, о которых она не слишком-то имела представление, Сима,

после хождений из стороны в сторону наконец-то остановилась и, посмотрев на Асмодея, спросила того:

– Но ведь не зря же нам поручили рассмотреть дело Илии в скором порядке.

– Или – зря, – напрашиваясь, отвечает Асмодей.

После чего Сима подходит к нему вплотную и, смотря ему прямо в глаза, спрашивает:

– Говори прямо, что не так.

– Да ладно уж, делать из мухи слона у тебя всё равно лучше, чем у Вельзевула не получится. Ну, добавил я ему пару черточек для проформы и всё, ведь добавить – это не убавить, и значит – благо. Чего уж здесь такого, – полон наивности Асмодей.

– Знаю я ваши благие намерения, и куда они впоследствии приводят. И здесь... Всяко не черточка была добавлена, а целая чертовщина, – не удержавшись на месте, всхлипывая и закрыв лицо руками, падает Сима на это, казалось бы не понятно для чего находящееся здесь кресло, которое всё же, как оказывается, имеет своё предназначение, как и всё в этом мире, где для каждой вещи есть своё место и время.

– Да ты, как и все Ангелы, склонна преувеличивать, – пытается её успокоить Асмодей.

– Я – не все! – сквозь слёзы всё же резко отвечает Сима.

– Я знаю, – поглаживает её по голове Асмодей.

– Ты не понимаешь... Ведь это была моя первая самосто-

ательная работа, – продолжает всхлипывать Сима, затем она вдруг резко замолкает, поднимает свои заплаканные глаза на Асмодея и, прищулив глаза, спрашивает того: – Слушай, а не воспользовался ли ты мною, моей неопытностью? – проговорив, замолчала Сима, продолжая буравить глазами Асмодея. – Да, точно, вы отвлекли меня, и я, оставив свой пост, тем самым дала вам возможность осуществить задуманное. Говори! Так, всё было? Ответь мне. – Но в ответ молчание Асмодея. – Только правду, – уже поникшим голосом спросила Асмодея Сима, что и решило исход дела.

– Я только ради нас и согласился на это. Баал обещал, что в случае успешного эксперимента, у всех нас вновь появится возможность обрести своё полное ангельское «Я», – смиренно ответил Асмодей.

После чего Серафимы отпустила его, подошла к столу, и, забрав папку с делом, направилась к выходу, где, задержавшись на секунду, посмотрела на уже неулыбающегося Асмодея. Потом, на одно лишь мгновение вспыхнув огнем, вышла из кабинета, громко хлопнув за собой дверью, тем самым сохранив надежду, оставшемуся Асмодею, очень хорошо знавшего природу Ангелов с их бесконечным терпением и милостью к оступившимся. Так что ему оставалось только немного переждать требуемое для наказания время, и уж потом, найдя нужные существенности, такие как: красивые оправы для её прекрасных ручек или ножек, добиться от неё снисходительного прощения.

Асмодей подошёл к экрану, который показывал, что и Илия уже успокоился, лежа в кровати, и сказал тому:

– Эх ты, со своими условностями. Знай одно: не условности создают мир, хоть и служат рабочим инструментом для создания мира. Единственно, только разум может создавать миры, которые, находясь в полной зависимости от него, и отображают все твои неразумности, которые, по большому счёту, и есть подобие твоего разума.

Потом, постояв немного, выключил экран и покинул этот центр.

Глава 2

Бытие Илия или Ильи

– Что за бес вчера в тебя вселился? – сидя в комнате отдыха для персонала и, попивая чай из чашки, капал на мозги Илье его друг Денис.

– Давай потом, а? – решая с чего же начать и всматриваясь в предлагаемые для снятия тяжести сушняка варианты, состоящие из бутылки минералки и жестяной банки газировки, одернул друга Илья.

– Вчера ты по-другому говорил той девчонке, которая, почему-то, не соглашалась на твоё «сейчас» и предлагала тебе своё «потом», которое, видишь ли, тебя не устраивало, а сейчас ты мне заявляешь: «Давай потом», – делая оскорбленный вид, мучает Илью Денис.

– Ты что, меня с ума свести хочешь? – в сердцах отвечает Илья.

После чего Денис замолкает, занимая позицию наблюдателя, которая предполагает новое увлекательное развлечение под названием: «Открой трясущимися руками бутылку».

Илья же, уже находится на пределе, который к тому же усугубляет тот выбор, перед которым он поставлен обстоя-

тельствами, требующих от него применения всех его навыков, на которые он способен к своим каким-то с чем-то годам. Что в двух словах означает: ему надо открыть один из представленных на выбор ёмкостных объектов, содержащих в себе живительную влагу. Но вот решение принято, и Илья берёт в руки бутылку. Он круговым движением пытается, сорвав сдерживающие фиксаторы, открутить крышку, что в силу должных причин, как повышенная влажность ладоней Ильи, вызванная его нервическим состоянием, не позволяет ему это сделать, прокручивая бутылку в его руках. А ещё этот Денис... Вместо того чтобы поддержать друга и броситься ему на помощь, он с таким издевательским видом ухмыляется, глядя на него, что совершенно не содействует делу.

– Да что б тебя! – вскипает Илья в очередной раз, прокрутив безрезультатно бутылку.

После чего он отставляет её подальше от себя и останавливает свой взгляд на банке, которая своей жёсткостью грозит кому-то из них определёнными последствиями, которые бы наверняка произошли, если бы Денис, наконец-то, не вспомнил о своих дружеских обязанностях и, взяв банку, не открыл её, и тем самым спас своего друга от неминуемой опасности: либо порезаться, либо же умереть от обезвоживания. На что Илья, человек которому не свойственна неблагодарность, выражает её через восторженные глотательные звуки, сопровождающие опорожнение этой банки, теперь уже

из под газ-воды.

– Ну как, полегче? – спрашивает его Денис, после чего Илья, кивает головой и, откинувшись на спинку стула, ещё раз протяжно выдыхает. – А ведь Лика вчера, поехала с этим хлыщем Виктором, – вновь сужает сосуды Ильи Денис.

А после этого Илья уже готов сказать, всё, что он думает: во-первых, о Денисе, так спешащего в самый подходящий момент порадовать друга, а во-вторых, обобщить одну непреложную истину на счёт женского пола. Но этому на этот раз не суждено было случиться, в силу неожиданного отвлечения Ильи тем незнакомцем, о котором будет рассказано чуть позже.

– Парни, не подскажите... – вдруг сзади от Ильи, сидящего спиной к выходной двери, раздаётся знакомый голос.

Илья поворачивается и в дверях видит вчерашнего своего знакомого, о котором следует рассказать поподробнее, посвятив ему один из абзацев, которых, в виду их немалого количества не слишком-то и жалко, хотя, ведь, не это же главное в этом частном случае.

Ведь бывает так, что у кого-то и зимой не выпросишь снега, ну а я, в принципе, находясь в подобной ситуации и «сидя» на буквах, решил не жадничать, а своим бескорытием указать кое-кому на своё место, и тем самым доказать свою состоятельность в возможности поделиться, что никоим образом не означает повышенное содержание во мне троцитов тщеславия, о котором сможет подумать не слишком вдумчи-

вый, а скорее всего – поверхностный наблюдатель.

В общем, я это к тому говорю, что необходимость ввести вас в курс событий, а не какое-нибудь желание похвастаться собой, не только движет моей рукой, но и назидательно требует этого от меня, для чего и придётся перенестись назад, за день до сегодняшних событий.

* * *

Вот мы находимся на пороге одного из входящих в первую сотню страны банков, что уже должно внушать нам то, что пока нам не сильно понятно, но всё равно, как бы давит толком и обстановкой, и тем самым – внушает. Ну, а как же может быть иначе, и если бы вы только могли себе это представить, под сводами какого недвижимого объекта Госреестра, с его функциями движимого субъекта обращения денежных потоков финансовой системы страны, вам суждено было сейчас находиться, то вас, наверное, и вовсе ошеломила бы эта невозможность сопоставить ничтожность вашего, зачем-то заглянувшего сюда «я», с этой бесконечной банковской вселенной, в которой одних только кредитных займов больше, чем гипотетическая возможность их вами считать.

– Да, монументально, – поглаживая мраморные стены банка, взволнованно, про себя, вы делаете замечание.

Хотя, какое ещё замечание? Разве можно употреблять

столь дерзкие слова по отношению к оплоту и защитнику ваших вкладов? Нет уж, извольте быть более корректным, называя всё своими именами, чтобы отдать должное этой монументальности. Да, величественность здания наполняет вас уверенностью (и даже немного – самоуверенностью), ведь и вы, гражданин этого государства, можете номинально называться совладельцем этого банка, чьи активы на 51% принадлежат государству, для которого вы, как истинный патриот, мало чего пожалеете, и поэтому пришли сюда, чтобы открыть счёт, и тем самым способствовать процветанию банковской системы страны. Для этого вам нужно (всего-то?) взять талончик, дождаться своей очереди, и вот вы у окна операциониста, черты которого вам кажутся слишком знакомыми.

Да неужели это наш Илия, которого, если честно, при его-то годах, было неожиданно увидеть на этой передовой части финансового фронта по приёму вкладов от населения? Да уж, застали врасплох, а мы-то думали...

И знаете ли, как-то желательно было бы иметь знакомых среди, если и не топ менеджеров, то хотя бы – из среды приближенных к ним. А тут какой-то клерк, или как там его ещё назвать? «Примите вклад...», – в общем, как-то так.

Нет, а что вы хотели, когда жизнь «топ»– или «vip»-персон, так прельщает своим богатством, ведь наверняка она (благодаря возможностям, которые дают эти богатства) неизмеримо интереснее и насыщеннее, чем жизнь какого-то там

клерка, который кроме работы и клуба (если ещё, конечно, его туда пустят) ничего не видит. Нет уж, нынче актуальна тема: «Небедные люди», а всякая там Достоевщина – всё это в прошлом, и совсем не наш удел стремлений, в котором есть место только высокоскоростным и быстротечным желанием, для выполнения которых и требуется небедная подпитка.

«Представьте только...», – унесётся в свои фантазии очередная мечтательница, которая доподлинно всё знает и, что интересно, от рождения уже умеет и даже готова взять на себя этот груз ответственности по распределению средств, которые (по её мнению!) не должным образом вращаются в руках этих «топов», которые, хоть и умеют жить, но всё же не настолько хорошо, как бы могли, позволь им помочь в этом наша мечтательница.

– Девушка, вы меня слышите? – спускает с небес на землю мечтательницу Лику дотошный клиент. Лику, которая по злой воле судьбы работает операционистом в этом же банке, когда её место (по её же мнению!) – рядом с управляющим банком, Леонидом Леонтьевичем, который совершил ещё пока поправимую ошибку, двадцать лет тому назад выбрав себе в жены эту несвежую тётку, которая не имеет никаких особых достоинств, и которая сумела лишь только вовремя запрыгнуть в семейный поезд ЛЛ. Ладно, этот ошибочный шаг ЛЛ, можно будет списать на его малую опытность, которая теперь наверняка набралась нужных величин, и значит, Леонид Леонтьевич не сможет отвергнуть очевид-

ного факта, что молодость всегда активнее и привлекательнее старой гримзы, которой так или иначе придётся подвигнуться.

– Девушка... – не даёт Лике передыха этот настырный клиент.

– Да, я вас слушаю, – расплывается в улыбке Лика, рассматривая клиента в воображении, которое ей рисует, что его глазницам очень сильно не повезло под её ударами ручкой, находящейся пока что на цепочке прямо на стойке, и которая вряд ли сможет выдержать силу напора Лики, которая в гневе ещё не на то способна.

– Иля. Ты мне не поможешь? – изящно обращается Лика к сидящему за соседним окном Илье, который всегда внимателен к ней и готов ей помочь при первом же зове. Ну а как иначе, когда высокий корпоративный дух, витающий в этом здании, не просто требует, а даже уже впитался в вашу кровь после инструктажа главного менеджера.

Правда, в поведении Ильи сквозит нечто большее, чем желание помочь коллеге по работе, что, конечно, вполне объяснимо, стоит вам увидеть во весь рост эту томную брюнетку Лику, которая уже извела не один десяток своих поклонников, так и не сумевших понять её исканий.

Ну, а когда девушка ищет – разве кто-то может её понять? Вот и приходится ей, пока, что довольствоваться только попутчиками по жизни, в которой, все развивается планомерно и подчинено закону наполненности, своими корнями упира-

ющегося в Ноев ковчег, выполненного из свежеспеленных деревьев, кои однозначно в плавании пустили корни. А этот закон, в общих словах, звучит так: «Каждой твари по паре...».

Так любой коллектив, вне зависимости от своей профессиональной принадлежности или корпоративной направленности, включает в себя гендерные деления. Правда, за редким исключением, связанным с половой обременительностью, которая всё чаще стирает пределы допуска в те области профессий, в которых ещё на заре их зарождения было немыслимо заявить о допустимости такого. Так мужская единица была допущена в святое святых – гинекологию – где они, как оказывается, достигли впечатляющих успехов и пользуются заслуженным успехом, граничащим с нарасхватом у женщин, но которых всё же так и не переубедишь в том, что всё-таки и у вас руки до чего-нибудь, да и доходят. А что касается их прямого конкурента в области жизненного прилежания, то и они не желают отставать и уже обряжаются в кардинальские одежды.

В нашем же, корпоративном случае, как было выше указано, в наличии имелись все представители человеческой фауны, со своими хищниками, травоядными и даже овощами. Так везде есть свои: своенравные красавицы Лики, амбициозные Викторы и, пожалуй, увальни Ильи, ну а также и другая, менее или более серая, как статистическая, так и не очень масса, которая, если будет нами востребована – обя-

зательно получит своё слово.

Но сегодня Илье не суждено стать для Лики незаменимым помощником. Звонок телефона отвлекает Илью, после чего его выражение лица сменяется на озабоченное, и он, извинившись перед Ликой, отправляется внутрь здания, куда право идти имеют только одетые в форменную одежду работники банка, имеющие при себе бейджик и пропуск для прохода через кодовые двери.

– Ты куда? – задает вопрос встретившийся ему на пути Денис, а для Ильи, по-дружески – Ден.

– Да, что-то в кадры вызывают, – теребя макушку, отвечает Илья. После чего он, не задерживаясь преодолевает все двери и лестничные пролеты, пока не оказывается у дверей этого «ОК», который всё видит и слышит, и поэтому немного страшит работников не самого высшего звена.

Илья, испытывая на себе подобные неблагоприятные чувства и, несмотря на то, что его вызвали, не сразу решился войти в этот кабинет и уселся рядом на один из стульев, находящихся около кабинета, которые по какому-то недосмотру, до сих пор своим видом не только портили интерьер строгости здания, но и могли ввести в заблуждение просителя, который из-за ничтожности своих умозрений, ещё подумает, что ему будет позволительно сидеть в кабинете этого «ОК». Илья присел и начал прикидывать: в связи с чем он был вызван сюда, когда как, по его мнению, отпускных или ещё каких причин для этого не было.

– А что, нет приема, что ли? – нарушил ход мыслей подошедший к кабинету субъект, который всем своим видом показывал пренебрежение к каким-то там условностям и даже, по всей видимости, не испытывал благоговейного страха перед этим «ОК».

– Почему же? – на автомате ответил Илья.

– А чего тогда не заходим? – оказался прям этот незнакомец.

– Я не тороплюсь, – ответил Илья.

– Вот как? Что, мандражируешь? – уставившись на Илью, заявил этот незнакомец.

– Есть немного, – почему-то откровенен с ним Илья.

– А какого чёрта? – меняется в лице незнакомец, тем самым показывая свою неуравновешенность, чем приводит в замешательство уже Илью. – Запомни: ты для них, также, как они для тебя, и... всё, – туманно, сквозь зубы цедит слова незнакомец.

И бросая знак Илье о том, что он пошёл, незнакомец, кощунственно не постучав, а как к себе домой заявив: «Здрас-ти», вошёл внутрь, закрыв за собой дверь.

Оставшийся на своём месте Илья начал прикидывать в голове, кто бы это мог быть? Его лицо неуловимо показалось ему очень знакомым, о чём Илья попытался узнать, копаясь в своей памяти в поисках каких-нибудь соответствий, что, конечно, было очень здраво с его стороны, ведь это очень важно: в момент ожидания отвлекать себя значимостью че-

го-нибудь такого, что к тебе не относится.

– Так, а вы, что не заходите? – послышался строгий голос начальника «ОК», после чего Илье уже ничего другого не оставалась делать, как проследовать вслед за ним в кабинет. Где, к удивлению Ильи, никого не было, хотя, может быть, незнакомец прошёл в следующую дверь, что, в конечном счёте, осталось невыясненным, так как врученное ему уведомление, уже требовало от него своего пристального внимания.

– Ну, что там? – послышался сзади голос Дена.

– Да вот, уведомили, как положено по закону, за два месяца, о моей ответственности, как персонала. Что, по-моему, и означает сокращение, – ответил красный от прилива крови Илья, держащий в одной руке вручённое ему уведомление в кадрах, а в другой – стакан воды, с помощью которой он пытался потушить внутренний огонь.

Ден же, взяв этот лист бумаги из рук Ильи, пробежался по нему глазами и, вернув обратно, ничего не сказал, а подойдя к автомату, выбил себе банку воды, открыл её и принялся тушить уже своё волнение.

– А знаешь, я, наверное, уже к этому был внутренне готов, – придав себе бесстрастности, сказал Илья.

– Ты пока не торопись делать выводы. Кто знает, как ещё всё повернётся? – последовал ответ Дена.

– Всё равно, это была временная работа, и сразу было ясно, что я к ней не подхожу. Ещё хорошо, что по сокращению увольняют, а не по какой-нибудь надуманной причине, –

успокаиваясь и всё больше приходя в себя, говорил Илья.

– Да, не хотят они дать тебе выполнить свой богатырский «печной подвиг». – Осклабился Ден.

– И не говори, – улыбнулся Илья.

– И куда пойдёшь, если что? Уже надумал? – спросил его Ден.

– Уже всё решено, и ты, как друг, просто обязан пойти со мной, – серьезно, не сводя своего взгляда с Дена, заявил Илья, чем привел того в некоторое замешательство.

– Ну, у меня, если что, ипотека... – последовал ответ Дена.

– Не бойсь, это всего лишь бар. Ты же понимаешь мой настрой. Сегодня надо напиться, – улыбается Илья, на что следует ответ такого отзывчивого Дена:

– Ты же знаешь меня. На счёт этого – я с тобой хоть в бар, хоть в клуб – куда только твоей душе будет угодно.

– Ну вот и хорошо. Вот только одно меня тревожит... – заметив издалека Лику, беседующую с одним из менеджеров среднего звена под именем Виктор, пасмурно сказал Илья.

Ден же, переведя свой взгляд вслед за Ильей и увидев предмет его наблюдений, хмыкнул и заявил:

– Ты знаешь моё мнение, – после чего, махнув рукой, отправился исполнять свои должностные обязанности, оставив нам загадку своего мнения.

До которого нам, может быть, и дела никакого нет, но, тем не менее, всё-таки желательно иметь более чёткие представления на этот счёт, а то – мало ли что. Хотя, если учиты-

вать явную не озабоченность Дена предметом тревоги Ильи – можно сделать вывод, что он совершенно не разделяет мнения своего друга, ставя это мнение в обособленное место от своего.

Вечером же, после работы, во время посещения ими бара, как раз и вскрылось всё то, что было так тщательно утаено Ильей ото всех, в том числе и от Дена, а именно: те его душевные переживания, которые были вызваны этим кадровым уведомлением.

И как бы Илья не храбрился, громко заявляя о своей приспособленности к жизни (о чём, между прочим, Ден просил его пока не сильно-то распространяться и во избежание кривотолков оставить в тайне от всех), всё же это своего рода непризнание себя (в чём ты никогда не пожелаешь признаться), в некотором роде приводит к потере в тебе той же самоуверенности, а каждая твоя потеря – подтачивает твои силы, что и приводит к закономерной вашей реакции неприятия случившегося.

А любой человеческий переход из одного состояния в другое (для плавности самого перехода) требует сопутствия в нём жидкостного элемента. И если до совершеннолетия этим элементом, как правило, служила вода, то после преодоления определённого разделяющего эпохи возраста – уже требуются напитки, обладающие своей крепостью, без которой так сложно осуществить этот переход.

Здесь-то, в баре, Ден и ощутил на себе всю степень упад-

ка сил Ильи, который не раз за вечер, нарывался на то, чтобы этот упадок вылился во внешнюю материальность, уронив его окончательно вниз, дабы расширить его кругозор и познакомить воочию с плинтусом, после чего для Ильи это обиходное выражение не будет так далеко от понимания, а как вы знаете, любое новое знание, всегда идёт на пользу, с чем он сможет себя и поздравить.

Но неужели, даже несмотря на все допустимые для подобного поведения причины, так уж обязательно ими пользоваться, уже давая другим повод для подобного поведения. Что же получается, стоит сказать: «Дай человеку только повод...», – и он уж покажет себя, из-за чего даже складывается впечатление, что именно повод, а не какая-то там причина (которая только и служит для того, чтобы завуалировать истинную подоплеку действий человека), и есть та поступательная сила для человека, которая и двигает его по этой жизни?

В случае же с Ильей, можно было не сомневаться, что его нервное состояние всё же имело под собой основательную причину, что в некоторой степени для обеспечения сохранности нервной системы, требовало от него выплеска эмоций, которые, надо заметить, не знали удержу и лились вместе со слюнями на его товарища Дена, который, как истинный друг, стойко (а в основном – сидя) переносил эти удары словесности друга, который, впрочем, не ограничивался одними только высказываниями, но и весьма энергично всё сопровож-

дал жестикуляцией рук. Что не раз грозило падением стоящих на столе стаканов, и которые всё же пару раз эмоционально падали, разливая недопитое пиво. После чего звучало предложение обновить, и официанты, привыкшие к столь экспрессивным клиентам, ни слова не говоря, мигом убирали на столе, меняя пустую посуду на полную, не забывая не только дополнять лишними цифрами предстоящий к оплате счёт, но и призвать к внимательности охрану, дабы разошедшийся клиент не слишком-то забывался.

Трудно сказать, в какой момент наступает время повода, который включает в себя те затаённые в вас вещи, которые вы, наверное, так и не решились бы вот так прямо сказать (без этого самого повода), и который так ищут натуры, не замеченные в составе робкого десятка. Что, конечно же, не значит, что они такие уж трусы. Нет, просто они считают, что само ваше «Я», ещё не включает в себе повод. Но всё же для этого необходимо определённое стечение обстоятельств, после чего уже будет можно заявить о себе, как о поводе, требующим решения. И вот как раз, совместные дружеские посиделки, (которые позволяют не только расслабиться, но и способствуют вашей откровенности, что наступает от преобладания в вас чувствительности) и являются наиболее часто (в силу его доступности и эффективности) встречающимся поводом, в результате чего и решаются многие вопросы. И люди договариваются до того, до чего не могли договориться раньше, правда, иногда – перебарщивают, и тем самым –

заговариваются, после чего и возникает уже информационный повод, который всего лишь является побочным эффектом невоздержанности любителей пооткровенничать.

Что же касается Ильи и Дена, то между ними секретов практически не было, кроме, разве что: раскрыть друг перед другом свой не имеющий границ внутренний мир, который, несмотря на различия и связанные с этим отношения к нему, всё же присутствует в каждом из нас, стоит только вам пошире раскрыть глаза и заглянуть в себя, что, в силу большой вашей занятости, не всегда удается, так и оставаясь неприметным, а, зачастую, и вовсе невидимым элементом части вас.

Кто-то находит время для этого, производя взаимовыгодный обмен с внешним миром, другие же, выбрав иной взгляд на жизнь, не считают нужным копаться в себе и скорее потребляют, экспортируют в себе внешнее. А третьи, испытывая острую нужду поделиться миром с окружающими, этим и занимаются, привнося во внешний мир частичку своего внутреннего я, назвав это процессом творчества.

Такую субъективность видения и изливал на Дена Илья, стоило только им погрузиться в пучину без альтернативности, в котором оказывается каждый, стоило ему попасть под рюмку. Когда же тема творчества подошла к своему логичному продолжению, а именно: к его элементам, без которых невозможно само творчество – вопрос коснулся нелёгкого отношения Ильи к Лике, его коллеге по работе, о которой он

(зная неприязнь к ней Дена) не спешил распространяться, но как это бывает – до поры, до времени, которое обязательно наступит и... наступило.

Но тут, надо признаться, Илья в этом не преуспел, так как его вменяемость не слишком способствовала этому, да и сам Ден не слишком-то был восприимчив к другу, после того, как умудрился у выхода из туалета, творчески (о чём будет лучше всего умолчать) познакомился с двумя деваками, которые были не прочь присоединиться к ним.

Когда же они присели к ним за стол – Илья, находясь в состоянии «сам себе на уме», завёл свою любимую философскую шарманку, которая для любительниц всего материального – как-то побоку, и Илья, почувствовав падение интереса к себе, решил выбрать забвение, упившись напрочь. Что и было им осуществлено в результате усиленного налегания на крепкие напитки.

И тут, когда, как казалось, материальное вновь одержало вверх над этими ненужными философскими мудрствованиями, оставшемся в более здоровом состоянии Дену, пришлось поплатиться за своё пренебрежение диалектикой, которая всей материальностью невменяемого Ильи, навалилась на него, поставив его перед философской дилеммой выбора: либо оказать помощь своему другу, находящемуся в этом бедственном положении, либо же бросить его на произвол судьбы и направить свои стопы вслед за зовущей его в клуб такой соблазнительной дамой с пухлыми губами, кото-

рая никак не может оставить свою подругу в беде, не найдя ей, хотя бы стоящего на ногах бой-френда.

Конечно, Ден попытался привести в сознание Илью, тряся и обливая того водой в туалете, что было бесполезно и грозило Дену тем, что Илья окончательно утратит устойчивость на ногах, и тогда придётся его нести.

После этих неудачных попыток Дену ничего другого не оставалось делать, как договариваться с сидящим за столом гламуром о том, где они встретятся после того, как он отвезет друга домой. А дальше... Расплатившись за стол, Ден берёт за шкуру Илью, выносит его на улицу и с помощью такси довозит того до дома.

Далее, возвратившись обратно уже с помощью того же инструмента по перемещению по городским улицам, он оказывается у того клуба, где у него есть договоренность с дамами. Но к его не удивлению – их нет у входа, и Ден, вспоминая Илью соответствующими моменту и настроению словами, махнув рукой на всё, окунается в клуб, чтобы уже там оглохнуть от музыки и ослепнуть от яркости огней, перемешанных с алкоголем.

* * *

– Парни, не подскажите... – слышит из-за спины знакомый голос Илья, после чего он поворачивается и действительно замечает заглянувшего в проём двери вчерашнего

«околокадрового» типа.

И если Ден никак не реагирует на эту просьбу, ввиду своей увлеченностью упаковкой из-под печенья, из которой он пытается выяснить для себя калорийность продукта, то Илья, уважая занятость того, не лезет к нему с замечаниями и выходит из комнаты навстречу этому любопытному малому, предпочитающего его там подождать.

– Так это ты? – озаряется ещё большей улыбкой незнакомец и протягивает для рукопожатия свою руку Илье, сопровождая это своё действия попутным предложением. – Ну, значит, нам суждено познакомиться.

– Я не против, – улыбкой отзеркаливается Илья.

– Модест, – представился этот новый персонаж, при этом внимательно вглядываясь в Илью, как бы ожидая, какую реакцию вызовет это его имя, что, собственно, и последовало, как будто тот другого и не ожидал.

– Ого?! – удивлённо воскликнул Илья.

– Что вас удивляет? – польщённый, но в тоже время не показывающий этого, бравирует словами Модест.

– Знаете, мне нравится, – признался Илья.

– Ну, в этом я не могу с вами не согласиться, – улыбнулся Модест. – Хотя, в наше время мало кого чем уже удивишь.

– Да, это точно, – ответил Илья, потом внимательно вгляделся в Модеста и спросил того: – Ну, а вы к нам какими судьбами?

– Да вот, какая удивительная штука со мной приключи-

лась, – пространно начал говорить Модест, который, испытывая маниакальную клаустрофобию, всегда старался находиться, как в прямом, так и переносном смысле в открытых пространствах. – Из кадров направили. Сказали, иди, мол, сюда и найди некоего Кошевого, после чего вручишь ему вот это, – показывая Илье направление на работу, сказал Модест. – Ну, а там, – как ляжет. – Закончил он свою речь.

– Ну пошли, я тебе покажу, где его можно найти, – некоторым образом смущенный этой новостью, сказал Илья, и направился в кабинет этого Кошевого, известного под именем Виктор.

– Ну, а у тебя, как там, в кадрах? Всё срослось? – по дороге спросил Илью Модест.

– Да нормально всё, – тоном не требующим дополнений ответил ему Илья, после чего, уже Модест не пробовал возобновить разговор, пока они не дошли до кабинета Кошевого и Илья, указав ему: – Вот, сюда, – повернулся и собрался в обратный путь.

– Что-то не так? – удивлённо спросил Илью Модест.

– Да нет, это я о своём, – пытаясь улыбнуться, отмахнулся Илья.

– Знаешь, Илья, в этом деле главное – не перепутать или вовсе не перейти за грань своего. Ну, а это я тоже о своём, – засмеялся Модест, заметив удивленный взгляд Ильи. – В общем, с меня причитается. Так что, давай, ещё пересечёмся, – кивает ему Модест и скрывается из виду.

Илья же, полный недоумения от новостей и странного поведения этого Модеста, проследовал назад на их кухню, в которой, между тем, уже никого не было, и Илья решил, что, наверное, уже пора, а то иначе уже Кошевой захочет с ним встретиться по поводу его задержек на технических перерывах.

Глава 3

Небесный глоссарий и адский полушептарий

А почему, собственно, небеса находятся наверху или в небе?

Или может быть, в данном случае, исповедуют другой подход, в котором, если цепляться за слова, нет места бесам, и нёбо – верховодит?

Ну, а возможно, всё же главное то, что в выбранной модели миро-строительства главенствует визуализация, без которой немислима красота, которая не только есть совершенство пропорциональностей (и в некотором роде нравственная синекюра), но и отражение моральных представлений, облачённых в форму объекта, являющегося внешним олицетворением её законченности.

Где главный принцип строительства этого миро-построения, заключается в преобразовании хаоса, совокупности материи и пространства, в подобия образов, какими их видел творец. Так что именно видимость будущего объекта творения и была основным архитектурным инструментом в процессе творчества, который в созданном мире, опирающимся на движение, где жизнь означает построение, и стал основой всего.

Потому-то зрительное восприятие и занимает такое значительное место в жизни человека, которому позволительно видеть бога и даже говорить с ним, но слышать, тем самым утверждая, что он вам отвечает, что однозначно говорит о вашей самонадеянности – не приветствуется.

Что же касается самих небес, то их видимое положение в пространстве (по заверениям тех же, кто, оказывается, сумел разговорить бога, который, несмотря на то, что всё без утайки рассказал им, всё же несколько пространно всё им объяснил, предлагая искать ответы в своей душе, а так как ей свойственно в минуты восторженности воспарять – то придётся включать логику и физические законы пара), было предположительно решено, что всё-таки небеса, в которых расположены эти заветные райские кущи, определённо находятся где-то выше нашего сознания.

Откуда даже очень удобно взирать и наблюдать за всем тем, что делается внизу, с чем трудно поспорить имеющим шею, которая служит не просто физическим инструментом для выполнения направляющих движений головы, но и в некотором роде характеризует самого обладателя этой шеи, с его местом в этой жизни.

Да и разве зря бог, как напоминание, поместил адамово яблоко именно в эту часть человеческого организма, так что оттого, как вы смотрите на мир: сверху или снизу (ну а может и вовсе побок), и будет зависеть, каким образом она вам даст по шеям.

Что ж, выбор небес, находящихся выше определённых сознательных ограничений, которые после определенных логических выводов и сопоставлений, в силу их удачного и более удобного расположения для наблюдения, можно предположить, было сознательным решением творческого состава создателя всего сущего.

Плюс ко всему, близость светила позволяла обходиться без искусственных источников освещения, что существенно снижало энергозатраты на постоянный свет, который присутствовал здесь, во все времена местного безвременья, которое из-за необходимости сверялось с земным, что даже побудило язвительные языки, которые всегда найдут повод для своей язвительности, заявить: творец и создал новый мир для себя, для того, чтобы использовать его в качестве своих карманных часов, без которых он в силу своего старческого слабоумия, уже жить не может.

Это, конечно же, только их – злых языков – домыслы, в желании досадить и через это обратить на себя внимание этой журналистской публики, которая жить не может без того, чтобы не прищемить себе нос в каком-нибудь найденном изъяне. Ну, а чтобы легче им искалось – они изъявляют желание иметь в себе изъян и уже через его призму и смотрят на мир, который представляется им порождением несправедливого мироустройства.

Что, конечно, очень интересно, учитывая то, что тем основанием, на чём всё держится, стал элемент, кирпичик ми-

ро-построения – красота – универсальность категории которой, казалось бы, сложно оспорить, но что не во власти высшего – то в руках сущего, человека, который на всё имеет своё изменчивое мнение и, значит, нет ничего постоянного, в том числе нет и определения чёткости критерия той же морали и красоты.

Ну да ладно, это опять же их мнение, которое, видимо, освещает им путь в этом грешном и мрачном мире, в котором так темно и холодно.

Ну а что может согреть в мире физического и материального, как не близость другой физики, которая осуществляется только при взаимопонимании, которое часто достигается через уже свою материальность, обналичив которую, ваше мнение становится точной копией того, кто обеспечил вас этой материальностью, после чего ваше физическое «Я», обретши совокупность мнения с этим тёплым местечком, наконец-то согревается.

Что же касается небес, то небесный свет не несёт в себе необходимого тепла, и он, скорее, принижающее светел, чем горяч, в связи с чем, можно было предположить, что обитатели небес нуждались в дополнительном согревающем одеянии, несмотря даже на их знаковую бестелесность, которая не предполагала наличие в них рецепторов определения состояний, ни холода, ни тепла. Что не совсем верно. И если обитатели небес обрели свою частность в виде формы, то они вместе с этим получили не только свои душевные ха-

рактёрности, но и какие-то допустимые только для них видимости. Да, возможно, что температурные изменения действовали на них несколько иначе, но то, что они оказывали на них влияние – очень даже вероятно, ведь частность – это всегда концентрация определенных веществ в её данной необходимости, которая постоянно находится в соприкосновении с внешней средой.

Разрешая этот вопрос с подобия человеческой точки зрения, можно сказать: обитатели небес для своего обогрева использовали тепло их внутреннего света, который изначально (для поддержания в них жизни) был заложен в них творцом, и в последующем уже зависел от самого носителя внутреннего света, который: одних приводил на небеса, ну а других – в горячие объятия падших ангелов, которые в силу недостатка этого внутреннего света (и, следовательно, постоянного холода) использовали внешние источники для согревания, и поэтому у них на постоянной основе горели огни, для поддержания которых и требовались грешники.

Так что поддержание уровня приемлемой температуры в аду, поставил падшую братию в зависимость от потока поступления к ним грешников, для обработки которых, небесами отпускался определённый лимит природного газа. И чем было выше число грешников – тем было теплее в аду, что побуждало администрацию ада более ревностно относиться к своей работе в деле совращения человека с пути истинного.

Но что же из себя, по своей сути, представляло это место, получившее свою знаковую формулировку, как административное деление или департамент «АД»? Оно ведь было не просто так обозначено, и там, где слово приобретает значение истины, не могли обойтись простой отговоркой: «Да что с них возьмешь?! Пусть будет!», – и, зевнув – «А-а-а...», – добавили: «Ад, твою етить...».

Нет, всё-таки здесь не всё так просто, и даже если удариться в дебри этимологии – и в этом случае к чему-нибудь удобоваримому вряд ли придёшь. Везде только одни намёки и прилагательные, характеризующие это место, как очень богатое.

И чем же оно богато? Интересно, да?

Хотя, все залежи природных богатств, как правило, всегда залегают в глубине недр, а не где-нибудь в небесах, в которых есть только место вашим мечтам и фантазиям. Правда, все эти богатства, опять же, приобретают своё значение, лишь благодаря их извлечению на поверхность, которая для них – своего рода небеса, начальность которых была трудноопределима до тех пор, пока не появился человек. Ну, а человек – это ведь тоже своего рода природное богатство, находящееся в некотором несвойственном для залежи положении, но опять же, и он имеет иные свои свойства по сравнению с этими природными богатствами.

И вот теперь, с появлением человека, и появилась возможность чётко разделить эти подведомственные высшим

силам сферы, которые, соперничая с друг с другом, постоянно тянут на свою сторону этот разделительный (между ними) шлагбаум – человека – который, надо признать, всё же больше тяготеет к низменному. А что уж тут на него сильнее действует: либо гравитация, либо же страх высоты – трудно сказать, но пока что недра АДа не испытывают недостатка в этой категории природных богатств.

Кроме этого, одного из основных значений административного деления, есть ещё одно немаловажное определение этого деления, заключающееся в том, что здесь, в аду, человека (согласно его мыслительным представлениям об этом месте и предназначению его духовного «Я») ждут муки материального сознания, когда как в его материальной жизни, он мучается духовными муками. Что, наверное, и есть основное предназначение духовного административного деления.

Люцифуг Рокофаль – глава ведомства «АД»-а, обладая довольно стержовым характером, после составления балансовой сметы для её передачи наверх, заявлял, что не какой-то там газ согревает его, что есть всего лишь эфемерность, без которой бы они – демоны огня – обошлись, но сам факт низведения человека в грех, так согревает его проклятую душу, доводя до нервического экстаза – что только это и является побуждающим мотивом для его действий. Какой ещё там согревающий продукт – газ – который есть символ их кабальной зависимости от небес, существующий, как инструмент давления на них? Он необходим им лишь для то-

го, чтобы поджаривать грешников, количество которых почему-то увеличивалось не в сезон отопления, а как раз в то время, когда отопительный сезон заканчивался, в чём горячие головы из среды ближайшего окружения премьера, следуя основной линии партии, всегда обвиняли небеса, видя в них постоянную, если не угрозу, то, по крайней мере, желание каким-нибудь образом ущемить их административные права.

Особенно отличался в этом Азазель, бывший когда-то одним из немногих херувимов, поднявшим знамя неповиновения Господу, под которое, к его удивлению, из его небесной партии никто не собрался. И только здесь в Аду, после падения были учтены его заслуги, и Азазель получил чин главного знаменосца Ада и назначение в управление, в отдел хозяйства.

– Хватит уже витать в облаках, обвиняя небеса во всех своих неудачах. Нас уже раз опустили с небес сюда, в бранный мир, так что пора жить реалиями этого мира, а не корчить из себя херувима, – не упускал случая осадить Азазеля, хранитель печати и многих непечатных секретов Марбас.

Он никогда не скрывал своего пренебрежения к напыщенности Азазеля, впитавшего в себя все херувимское тщеславие, с высоты которого он смотрел на всех.

– Да я смотрю, под твоей личиной ангела, скрывается агент небес, – взрывается Азазель.

– Конечно, агент, и где их только нет. По-твоему, ими пронизаны все ветви нашего управления. Они тормозят нашу работу. Вот только интересно, ты, заявляя о такой всеисильии небес, тем самым подспудно не смущаешь ли нашу падшую ангельскую братию, как и все, уважающих силу, и могущих в твоих словах услышать скрытое восхищение и восторженность могуществом небес. А?! – лукаво и одновременно очень прямо, произнеся речь, смотрит на него Марбас.

– Да я, первый, кто... – трясет своей козлиной бородой в нервном припадке Азазель, готовый накинуться на своего извечного оппонента на этих совещаниях в кабинете Люцифуга, который уже знает, чем всё закончится и не мешает конструктивности этих прений.

– Ещё скажи, что нам необходима люстрация, – Марбас не дает закончить фразу Азазелю, после чего кабинет оглашает дружный смех Баала, Люцифуга и ещё нескольких второстепенных демонов присоединившихся к Марбасу.

После чего наступает время успокоения, в котором Азазель, видя численное смеховое преимущество, скрипя зубами, затаивается в себя.

Люцифуг отдает должное его терпению, и после его заявления, что уже пора присоединиться к сегодняшней делегации, все собираются и отправляются в департамент внешних сношений, где после сверки основных тезисов вносимых представлений в совещательную палату по обсуждению законоположений между всеми ответственными представите-

лями ведомств, будет отправлена делегация на этот еженедельный совещательный форум, только на котором и представляется возможность представителям таких разных идеологических конфессий высказать свою позицию по вопросам мироустройства.

Устройство амфитеатра форума было выдержано в древнегреческом «стайле», который, конечно, получил такое название из перенявших его человеческих кругов, умевших разве только перенимать и выдавать за свои те божественные мысли, который внушал им творец, испытывающий непонятное для ангелов к ним пристрастие.

При всем этом, надо понимать, что всё сущее, облачённое в форму и получившее свою объёмность согласно воззрениям на то создателя, существовало в пределах допустимости сознания, которое, опять же, ограничено только скобками, выставленными самим сознанием, которые, в зависимости от ситуации, могут выставляться, как внутри, так и снаружи.

Творец же, пойдя путём не предположения, а распоряжения, через оформление в видовость именно существенности, для того, чтобы не мучить сознание конечного продукта – человека – недоступными для его понимания техническими терминами, облёк всё в мифологическую обёртку и озадачил ею человека, тем самым заложив в него мину замедленного

действия, под названием: «Потребность знать», которая, из-за недостатка (как это считает творец) сознания, часто подменяется на – «Потребность взять».

Но как бы сильно (до степени ограничения и недомолвок) не доверял творец человеку – тот, имея сознание и досужие мысли (путем вложенной в него логичности), всё-таки имеет свои представления на счёт всего немыслимого, которое стоит за всеми этими мифологизмами, и на основании которых он и строит тот мир, который скрывается за всеми этими налетами таинств.

Вообще, всё видимое небесное мироустройство (с его архитектурными излишествами) больше смахивало на тот неисчерпаемый источник вдохновения, который и послужил для заимствования всех его особенностей для колыбели цивилизации – Древней Греции.

Что же касается отпавшего братства – оно, желая кардинальных изменений, всё же не собиралось отказываться от тех благ, которые давал прежний режим. И они, не долго мудрствуя и попутно изобретя велосипед под названием денебесация, внесли небольшие коррективы во внешний вид новой их обители, изменив или переименовав все существующие названия, тем самым демонстрируя свою независимость от прежнего порядка, который только и знал, как ограничивать их свободу и подрезать им крылья.

Так на самой высоком холме была выстроена резиденция для Люцифера, получившая название: «Капитолий», в кото-

рой он вместе с избранными только своей исключительно-стью демонами (а не каким-то жалким подобием волеизъявления – голосованием) решал наиболее знаковые вопросы, возникающие у них.

И если схематично посмотреть сверху вниз на все эти административные здания – складывалось такое впечатление, что Капитолий, как огромный метеорит, упал с небес в воду и образовал вокруг себя уходящие вдаль круги, каждый из которых, сам по себе, образовывал округ, который по мере и в порядке отдаления от Капитолия, нёс в себе, как определенную цифровую, так и вещественную информацию (в зависимости от номера круга, своих характерных обитателей, высылаемых сюда, уже в зависимости от их заслуг перед самим собой и обществом).

Так основных, наиболее крупных округов, имевших ещё одно звучное название: «Удел душ», насчитывалось (как и в любой уважающей себя звёздной системе) девять, но всё же, как предполагают исследователи грехов – их гораздо больше, так как бесконечность вселенной человеческих помыслов, ещё полностью не изучена, и, вполне вероятно, что где-то там – за девятым – есть и десятый, и одиннадцатый... а уж тринадцатому кругу – сам дьявол велел быть.

Связь или сообщения между центром принятия решений – Капитолием и округами, для высших чиновников осуществлялась через скоростные лифты, тогда как рядовой состав, как и грешники, доставляемые к месту своего дальней-

шего времяпровождения, использовали тоннели, сеть которой покрывался весь «АД».

Одной из примечательных деталей ангелов, отличавших их от других созданий – была, конечно же, их способность осуществлять полёты. Но после «Падения», на ангелов были наложены многие ограничительные меры, в ряду которых стояло ограничение на полёты. Ну а так как обрезание крыльев было признано неразумным шагом (который, к тому же может вызвать различные кривотолки) – было принято решение изменить состав окружающей среды в этой части вселенной, который не давал возможности подниматься в воздух. Что, конечно же, не могло не вызвать ещё одного повода для раздражения падшей братии.

Правда, надо признать, что подобное положение вещей кардинально изменило весь образ жизни падшего братства, теперь оно уже не полагалось на свои крылья, а всё больше – на крепость ног и тела. И вообще, физика тела в их существовании приобрела необычайно большое значение, достигнув, как это бывает у натур неуравновешенных, предела культа. И, казалось бы, как такое может быть, если ангелы – существа бесплотные? Но это, конечно же, есть всего лишь домысел неосознания, замутненного рассудка, заплутавшего на пути мистификаций.

Как бы там ни было, но форма в себе предполагает определённую объёмность, а уж физика наполнения... Это может, как угодно называться, и если само условие телесности, её

реальность оформления в образ выполнено, то будет верным признать наличие у ангелов своего рода телесности, имеющую повышенные способности к трансформации и генерации.

Это, конечно, есть всего лишь сопутствующий доказательной базе фактор, который опирается на концепцию материальности очевидности, определяемой существующей средой сознания, в которой все существенности, имеющие своё право на существование и обнаруженные через свою видимость форм (в зависимости от самой осознанной среды) – принимают свою материальность. Исходя из этого, можно предположить, что фразу о хлебе насущном, всё же преждевременно относить к человеку, и ангелы, также имели своё понятие о пище, которая занимала своё место в их существовании. Их высшие познания о хлебе насущном, не могли основываться только на теоретических знаниях, и познание, через свою существенность, определено имело место быть.

Что же касается связи с небесами? То они существовали, и до полной изоляции дело никогда не доходило. А из-за того, что крылья утратили свою актуальность, всё большее значение приобретали технические средства перемещения, которых в Аду развелось превеликое множество, благо, грешников с данной поворотной спецификой в голове, было более чем достаточно. И вопрос по перемещению внутри департамента сильно не стоял – для того, чтобы попасть в другие места небес, требовалось получить одноразовую визу для по-

сещения объектов этих самых небес, к которым относилось практически всё живое.

И если поначалу визы выдавались строго ограниченному списку ангелов, от участия которых в жизни человека, никак нельзя было отказаться (всё-таки специализация многих, как, например, ангелов смерти, в силу своей узко профильности, не имела замены в рядах небес), а в самом мироустройстве уже заложено участие данных специалистов – небесам пришлось смириться с неизбежностью и пришлось выдавать им долговременные рабочие визы, то по мере потепления отношений и налаживания диалога в виде тех же совместных проведенных форумов между небесами и адом, представителям падшего братства уже начали выдаваться годовые визы.

Для чего в департаменте, на Капитолии, и было образовано ведомство внешних сношений с Левиафаном во главе, которое занималось вопросами построения взаимоотношений с небесами, и в том числе и выдачей виз.

А что касается сообщений между небесами и адом, то оно осуществлялось с помощью единственного тоннеля, сквозь который имело хождение система установленных лифтов, вход в который регламентировался наличием у ангела пластиковой карточки с визой.

Всем этим административным делением или департаментом – «АД» – как субъектом хозяйствования, руководило ведомство во главе с Люцифугом Рокофалем, у которого име-

лась своя силовая структура – тайная полиция во главе с Баламом – а также другие подведомственные учреждения, составляющие свою структуру управления.

Так данное ведомство являлось материальной базой и занималось обслуживанием жизнедеятельности падшей братии, а также выполняло рабочие функции по заботе о приданных к ним на поруки грешниках, которые и составляли основную статью доходов АДа. Несмотря на то, что ведомство Люцифуга имело такой значительный вес в мироустройстве падшей братии, тем не менее, его важность, не просто оспаривали, а скорее даже умаляли достоинство другие два ведомственных монстра: силового блока во главе с Агаресом, в чьем подчинении находился Сатана, советник по общим вопросам, и идеологическая канцелярия во главе с Вельзевулом. Так что, все эти подковёрные битвы, зачастую, имели больше значение для вынесения решений по тому или иному вопросу, чем реальность бытия падшей братии, стремившейся к реваншу над небесами.

Сам совещательный форум, как уже говорилось выше, представлял собой некое подобие древнегреческого амфитеатра, где и происходили все запланированные словесные баталии между представителями небес и ада.

При этом сам форум не был пустой говорильней, а он осуществлял экспертные оценки особо значимых возникаемых вопросов, хотя, окончательная проводимость в жизнь которых, всё-таки оставалась в ведении небес. Но как заявил Гос-

подь в одной из своей проповеди: «Падшие, хоть и выпали из отцовского гнезда, но они не выпали из жизни, а так как являются одними из её участников, то имеют право на свой голос!». В связи с чем и был организован этот совещательный форум, который являлся легальной площадкой взаимодействия этих двух антагонистических ветвей власти.

Конечно, стоило только завести этот разговор, как сразу же посыпались упреки недовольных среди противников небес, заявлявших: «Это всё – фарс! Это является всего лишь имитацией свободы слова! Ведь, что бы мы не говорили, последнее слово всегда за Господом! Пусть он даже не пытается морочить нам голову, оставаясь со своим одним вечным сроком, так и несменяемым...».

Но как бы то ни было, Люцифер и верхушка падших ангелов, выразила своё согласие на это, после чего с ежемесячной, а затем – с двухнедельной периодичностью, стали проводиться эти совещательные форумы. Работа которого заключалась в том, что делегаты от различных партий (а их, как надо полагать, было всего лишь две) вносили свои предложения, накопившиеся за это время наблюдений за житием, как человеческой паствы, так и в экстренных случаях межконфессиональных взаимодействий, именуемые: «Де-факто». Где одним из представителей партии выносилось на всеобщее обсуждение это – де-факто – предложение, на котором после определённых регламентом прений, делалась соответствующая отметка: «рассмотреть» или

же – «отложить», после чего оно поступало уже на стол Господа, который и имел право подписи. И если на предложении появлялась его подпись, то это автоматически переводило его в статус «де-юре» и уже требовало официального исполнения.

Такое положение дел совсем не устраивало партию «Добра и Света» во главе с Люцифером, сумевшая вовремя запатентовать это своё название партии, а небесной партии, возмущенной таким мракобесием их оппонентов, ничего не оставалось делать, как безмолвно соглашаться с этим, именно их именно так.

Партия «Добра и Света» с завидным постоянством предлагала переформатировать сложившееся с его единоначалием мироустройство и поставить во главе парламентскую форму правления. «Опять многобожие?! Не кажется ли вам, что мы это уже проходили?!», – на подобные предложения следовал свой категорично звучащий архангельский ответ. На этот ответ, конечно, следовали свои возражения, но из-за понимания того, что в данном вопросе действительны только революционные решения, оппоненты не слишком-то и настаивали и обходились общими фразами.

Самым же животрепещущим рассматриваемым вопросом, однозначно, являлся вопрос границ, на которые, или, вернее будет сказать, в каких границах надо было ориентироваться представителям обеих партий. Но это касалось всего лишь свободных от визовых ограничений пространств,

где обитал человек, что же касается небесной зоны, то для того чтобы туда попасть требовалось оформление визы, что категорически не устраивало падшую братию, являющуюся безвыездной. Тогда как небесное воинство имело куда больше прав и частенько наведывалось с инспекцией в адский департамент.

Впрочем, против падших ангелов не сразу ввели ограничительный визовый режим. Только уже после того, как Сатана, поддерживаемый влиятельной лоббистской группой силового блока, проникнув в райские кущи, с помощью подручных сумел соблазнить Еву – только после этого были введены ограничительные меры против падшей братии.

– Мне не понятен принцип коллективной ответственности, – пыхтя от злости, заявлял Маммона. – Я хоть и противник небес, но не до такой степени, чтобы отказываться от манны небесной. – Он, предчувствуя перебои в снабжении этим деликатесом, с возмущением смотрел на Сатану, который, ухмыляясь, что-то там язвил в своём окружении силовиков – Аббадоны и Агареса.

– А что ты предлагаешь? – поглядывая на него нервно тикающим глазом, спрашивает Вельзевул, проводящий совещание партийного бюро.

– Раз Сатана единолично принял такое решение – пусть единолично и отвечает за свои действия, – брызгая словами, отвечает Маммона.

– Ты, конечно, один из тех видных членов партии, кото-

рые подпитывают все целеустремления всех пятых колонн, и ты, конечно, являешься признанным профессионалом своего дела, но не кажется ли тебе, что ты забываешься?! – свиреп Вельзевул.

– Ну, во-первых, *abussum non tollit usum* (лат. злоупотребление не отменяет употребления). А во-вторых, разве не ясно, что я не могу по-другому, иначе я потеряю хватку и вес, – пытается оправдаться Маммона.

– Ага, вот как? Ну тогда и я скажу следующее этому любителю всего безгранично-небесного, во-первых, *you are, what you eat* (лат. ты ешь, то, что ты есть), из чего можно сделать соответствующие выводы. Ну и во-вторых, мы всё-таки тебя пожалеем, ты ведь и так мучаешься, и ещё поди что, анорексией заболеешь, – язвит Сатана, чем вызывает взрыв хохота среди участков совещания.

– Да, хорошо, что операцию с яблоком Сатане поручили, а то бы Маммона, наверное, не удержался и сам бы всё сожрал, – подначивает Аббадона.

– Зато не было бы коллективной ответственности и, пожалуй, этот случай, рассмотрели в особом порядке, и только Маммону сделали бы не выездным, – вставляет Агарес.

На что Маммона, переполняемый гневом, наливается краской и пытается что-то ответить, но злоба сковала его язык, и он, боясь прокусить его своими клыками, только и скрепит ими в ответ.

– Так, все успокоились, – своим громовым голосом, еле

удерживаясь от того, чтобы не присоединиться к веселящейся публике, затыкает рты беснующимся Вельзевул, и уже после того, как наступает тишина, обращается к самому Маммоне.

– Маммона, ты же знаешь, что твои заслуги никто не оспаривает. Но при этом тебе не кажется, что ты увлёкся и влезаешь в зону ответственности Бегемота? А он не потерпит такого и, пожалуй, заявит, что ты ведёшь себя по-хамски.

– Хам он, – прорывается гнев у Маммоны.

– А причём здесь хамон? – непонимающе повторяет Вельзевул.

– Нет, Маммона, не есть, что он ест, а всё для него есть то – что можно только и есть, – тут же вставил своё Сатана.

– Весь мир продукт, а мы в нём – едоки. Да, Хамон? – закатился от смеха Аббадона, а также свело животы от смеха и у остальных, кроме Маммоны, которого вновь сковал приступ бешенства.

– Теперь понятно, почему Маммона так обхаживал Тутанхамона, – сквозь слёзы проговорил Агарес.

– Где хамон? Тута! – добавляет Сатана, после чего уже и Вельзевул не выдерживает и прыскает от смеха, выводя окончательно из себя Маммону, бросившегося вон из кабинета.

После чего Вельзевул взывает ко всем, чтобы те успокоились и отправляется вслед за Маммоной, который, по всей видимости, не слишком далеко отбежал, раз спустя минуту

он в сопровождении Вельзевула показался в дверях, стараясь не обращать внимания на окружающих.

– У каждого из нас существует свой участок ответственности, и если ты не знал – я тебе скажу: Сатана не мог действовать без получения на то высшего одобрения. К тому же, у многих сложилось в корне неверное представление о самом факте соблазнения Евы, в чём я вижу работу спецов от противной стороны, сумевших расставить соответствующие акценты на незначительных деталях и оттенить заслуги нашей стороны, придав всему этому мифическое звучание. Из чего мы должны извлечь свои выводы и направить усилия в сфере разработки информационных технологий, за которыми, мне кажется – будущее, – сказав это, Вельзевул окидывает взглядом присутствующих, находит нужную персону и обращается к ней. – Пифон, поручаю тебе заняться этим вопросом и подготовить для этого всё необходимое. Ну, а чтобы было с чего начать – обрати своё внимание на этот случай с надкусанным яблоком.

После этого Вельзевул делает паузу и, обратившись уже к Маммоне, продолжает:

– Ты думаешь, что всё так просто? Взял Сатана, поймал змея, настучал ему или, ещё лучше, придавил его до степени округления зрачков, и тот сразу же обрёл сноровку и смог вот так просто уговорить Еву послушаться? Хотя, наверное, змей всё-таки нам соврал, заявив, что умаслил Еву обещаниями величия. На самом же деле, он ей поплакался на то, что ему

хвост придавят, если он её не уговорит попробовать плода с древа познания, и она, пожалев его, и нарушила запрет, – окончил размышления вслух Вельзевул.

– Да, жалость – страшная штука, – вмешался Агарес. – Она имеет в своем арсенале самое большое жало, которым человек способен убить сам себя, через эту же жалость к себе. И скажу откровенно: этот инструмент наиболее действенен, чем другие.

– Ну, ты, Агарес, ещё тот дока! – ответил ему Вельзевул. Затем вернулся за свой стол и, обращаясь к Маммоне, сказал:

– Так вот, представь, какое количество сил необходимо было задействовать для осуществления этой операции. Во-первых, необходимо было составить психологический портрет Евы, на основании которого и готовилась формула для её обработки. Для этого была задействована группа психологов, которые находились на постоянной связи со змием, который хоть и был подготовлен, но всё же, для подстраховки, находился на связи. Во-вторых, работало несколько групп наблюдения, ведущих слежку за Господом, Адамом и Евой, от оперативности которых, тоже в немалой степени зависел результат операции. И если хочешь знать – операция прошла не слишком-то и гладко. И всё из-за этой Адамовой приязни к Еве, которая хоть и способствовала нужному результату операции, но в случае преждевременного появления Адама – грозила срывом. Соскучился, видите ли, он по ней, не

видя её каких-то полчаса. Так что пришлось нашей группе создать обстоятельства, при которых он не сразу смог найти Еву, – сказав это, Вельзевул добрался в памяти до этих обстоятельств и, не стерпев, разразился смехом, к которому присоединились все находящиеся здесь в кабинете и бывшие в курсе этих непредвиденных обстоятельств.

– Да, что естественно – то небезобразно, – добавил Сатана, чем только ещё больше раззадорил смеющихся.

Когда же смех прекратился – Маммона, один из всех не смеявшийся и недоуменно поглядывающий на остальных, подобрал свой свисавший живот, и, оставаясь все таким же упёртым, спросил, диссонировав общему настрою:

– Так, что там, насчёт визового режима?

– Да сегодня же поднимем этот вопрос, – отвечал ему Вельзевул. – На форуме...

И вот, все эти видные представители своих ведомств во главе с Люцифером, прибыли на очередной форум. Где прибывшие сюда, попадали сначала в специально обустроенный огромный холл, в котором в преддверии форума, могли, не учитывая своей партийной принадлежности, перемешавшись между собой, кулуарно пообщаться такие теперь далекие, но когда-то рядом уживавшиеся ангельские братья.

В начальный период, когда только было достигнуто соглашение о проведении подобных форумов, сквозившая ненависть в рядах антагонистов выливалась в серьёзные стычки

между ними. Казалось бы, эта ненависть должна была присутствовать только в рядах падших ангелов, как у потерпевшей стороны, но, к сожалению Господа, она незримо присутствовала и среди его небесного воинства, которое редко сдерживало свои эмоции. И стоило им только увидеть своих позавчерашних друзей (ставших вчерашними противниками), как сразу кто-нибудь из них начинал подначивать:

– Чё уставился, падаль?!

На что, естественно, следовал свой изысканный ответ:

– Я смотрю, твой язык отполировался, вылизывая задницу, сам знаешь кому.

После чего, как логичное продолжение, начиналось побоище, которое только невероятными усилиями высших сановников с обеих сторон (которые, надо сказать, сами еле сдерживались, чтобы не подключиться, и только взгляд вышестоящего начальства остужал их пыл) удавалось прекратить потасовку, после чего объявлялось о конструктивности сегодняшнего диалога, и форум объявлялся закрытым.

Конечно, оргвыводы от подобного поведения своих делегатов делались, но только если на небесах призывали к сдержанности – к задирам из падшего ангельства отношение было иным, их (почему-то?) отправляли проходить курс кулачного боя, наверное, думая, что всё-таки спортивный дух, вырабатываемый подобным образом, и формирует у самого участника спортивное поведение и тем самым перевоспитывает его. Так что, подобный опыт неплохо было бы взять се-

бе на вооружение и самим небесам.

Что ж, по мере увеличения количества встреч, прежний воинственный пыл стал постепенно утихать, и те, кто до этого без плевка в лицо не могли друг на друга смотреть – со временем свыклись с мыслью о совместном сосуществовании и уже могли без оглядки беседовать в кулуарах со своими противниками.

Но если рядовая ангельская братия более-менее и, конечно, не без эксцессов сумела обуздать свой нрав, взяв на вооружение только свои словесные колкости, то ангелы из рядов высших чинов, наоборот – всё чаще выступали в качестве застрельщиков и даже участников, возникающих драк со своими оппонентами.

Говорят, что это только злобные наветы завистников, и что Рафаил и Левиафан, используя своё высокое положение, организовали свой реслинг, и пока все занимаются обсуждением насущных вопросов, они в кругу таких же азартных ангелов, в дальнем углу кулуаров, борются на руках, испытывая друг друга на прочность, и тем самым, скорее всего, испытывают терпение Господа, не ожидавшего такого от своих доверенных лиц.

Но и это ещё не всё...

Особенным нетерпением к противнику, можно сказать, грешил сам архангел Михаил, который, стоило только Господу отвлечься на разговор с кем-нибудь там, в кулуарах, уже тут как тут, и задевает примостившихся на ступеньках ам-

фитеатра ангелов.

– Кто тут временные? Слазьте! – оглашает площадку громоподобный голос Михаила, чем вызывает изрядный переполох в рядах падших ангелов.

Между тем, предчувствуя, чем всё это может обернуться, сопровождавший Михаил ангел престола, бросается назад в приёмный холл, для того чтобы предупредить, если не самого Господа, то хотя бы самых приближенных к нему архангелов.

Господь, между тем, появившись в холле в сопровождении своего небесного воинства, приветствовал уже прибывшую делегацию ада.

– Явился и, заметь, не запылится, – буркнул под нос Люциферу стоящий рядом с ним в дальнем углу коридора Вельзевул.

Люцифер же демонстративно отвернулся спиной ко входу и никак не реагировал на появление Господа и его свиты.

– Ну и что он делает? – делая независимый вид и стоя на своём, тихо спрашивает Люцифер Вельзевула.

– А что делает? Да как всегда, сверху на всех смотрит. Изучает возможности ослабить нас, – не сводя своего взгляда с Господа, комментирует все его действия Вельзевул.

– Ну, а кто там с ним заявился? – живо интересуется Люцифер.

– Да всё те же. Впереди, расчищая путь, следуют Гавриил с Михаилом, – заскрипел зубами Вельзевул, упоминая по-

следнего. – Вот хамло, даже не кивнул, посмотрев на нас, как на пустое место.

– Что? – изменился в лице Люцифер, собравшийся было повернуться и одарить своим соответствием Михаила, но Вельзевул, схватив того за плечо, удержал его от этого поспешного шага.

– Да не поворачивайся, ты! Господь смотрит.

Люцифер вынужден остановиться, и только огненный пар из ноздрей выдаёт его безумие ненависти.

– Хм... А святой дух всё больше раздулся от своей важности. Да уж... Куда нам против его значительности, за которой скрывается всего лишь его обманчивое самомнение, – ревностно произносит Вельзевул.

– Вообще-то, без него трудно осуществить материализацию предмета, ведь для того чтобы вдохнуть жизнь в объект, нужны крепкие лёгкие, а большой вес и округлые формы – вещи необходимые для объёмности внутреннего содержания, которое не так-то легко передать живой твари, – со знанием дела рассудил Люцифер.

– Ну, я с ним мало работал, так что мне тяжело судить об этом, – отступил от своих осуждений Вельзевул, лукавя о своих редких контактах со святым духом, к чьим услугам он пытался найти доступ, и поэтому в последнее время с ним частенько контактировал.

– Блин, заметил, – вдруг дёрнулся Вельзевул, заметив, что Господь направляется к ним.

– И что? – побледнел Люцифер.

– Идёт сюда, – одними губами проговорил Вельзевул.

– Ах, вот ты где! – послышался голос Господа из-за спины Люцифера.

А тот, между тем, сделал вид, что очень увлечён разговором Вельзевула с ангелом, который только что выдал такую остроуту, от которой Люцифер, не выдержав, дьявольски рассмеялся и уже только после этого повернулся в сторону подошедшего Господа. И как только их взгляды встретились – в тот же миг на холл амфитеатра опустилась тишина, все притихли в нервном ожидании: что же на этот раз будет. И хотя эти встречи уже имели тысячелетнюю историю, всё же они всякий раз вызывали интерес своей диалектической непредсказуемостью.

– Люк, ты чего отворачиваешься и не здороваешься? – панибратски обращается к Люциферу Господь, на что, надо заметить, только он имел такое сушее право.

– Хм... – скривился Люцифер. – А почему бы тебе хоть раз не спуститься с небес и первому не проявить уважение? Или ты, как предтеча всего, считаешь, что через пожелание тебе здоровья, и мир получает своё?

– Ну, Люк, ты опять за своё. Ох, как с тобой всё-таки сложно, – вздыхает Господь. – Ты же знаешь, что я всегда желаю здоровья и процветания всему живому.

– Ах, вон оно что! – закипает Люцифер. – Это что, намёк? Или же опять твои двойные стандарты, Господ?

– Да перестань ты всё переворачивать и называть меня так уперто-твёрдо, – качает головой Господь. – И если хочешь – я скажу, что желаю здоровья всему живому и здоровому в тебе.

– Хорошо, ты убедил меня. Частично... – смягчившись, заявил Люцифер. – Но называть тебя я буду – Господ, такое твоё имя – знак твоего деспотизма по отношению к нам, и оно у нас не знает смягчительных окончаний, которыми пусть пользуются твои приспешники – архангелы, – выдал Люцифер, бросая свой взгляд на Гавриила, чья появившаяся молния в глазах не заставила себя ждать.

– Да что с тобой Люк? Неужели я тебя так обидел? – примирительно сказал Господь.

– Ну вот ещё... – хмурясь, ответил Люцифер.

– Так почему ты тогда не заходишь ко мне, как в старые времена. Посидели бы в саду, побеседовали о насущном... – с налётом воспоминаний спросил Господь.

– А ты разве не помнишь о своих же запретах? И где теперь змий? – иронизирует Люцифер.

– Да уж чего теперь вспоминать... И если на то пошло, я изменю правила и даже дам змию послабления. Я всё-таки не такой злопамятный, каким ты меня считаешь, – ответил Господь.

– Скажи это Адаму. Ха-ха! – зал оглашает смех Люцифера, к которому присоединяется вся его присутствующая здесь партия.

– И нечего тут передергивать и сравнивать, – насупился Господь, потом быстро просветлел и сказал: – Смотри, завтра суббота, и я отдыхаю, так что бери с собой кого захочешь, и мы поговорим... и об Адаме тоже.

– Ну, не знаю... – как бы смутился Люцифер. – Это ведь для тебя – выходной, а для меня же – самый насыщенный день, который делает задел на всю неделю. Как думаешь, Вел, сможем мы найти окно для визита вежливости? – обращается Люцифер к Вельзевулу, который, до этого не сводивший своего взгляда с Господа, сначала и недопонял, что обращаются к нему, но после небольшого сбора в порядок своих мыслей, ответил положительным кивком головы.

Люцифер, переведя свой взгляд обратно на Господа, уже хотел было выразить своё согласие, как вбежавший в зал ангел престола со своим: «Господь, образумь оступившегося! Опоясь распоясавшегося!», – не дал ему ответить, так как поднявшийся шум, устремившихся в сторону арены ангелов, вызвал переполох, заставивший всю кулуарную публику забыть обо всём и хлынуть в узкие двери бурлящим потоком.

В этом потоке, смешавшись, двигались все, вне зависимости от своей иерархической и партийной принадлежности, что не могло не только объединить их, прижав к друг другу, но и не вызвать определённые трения между непримиримыми противниками, которые, не имея возможности изменить эти под обстоятельства, незаметно от своего партийного противника щипались и пинались, при этом делая невоз-

мутимый и ни к чему непричастный вид.

Ну, а некоторые и вовсе (в чём, конечно же, можно было только заподозрить особ глумливых и не знающих совершенно никаких приличий, и которые, всё-таки не зря были отправлены в места столь отдалённые) вызвали такие зловонные ветра, от которых, в силу таких стесненных условий, в обморок упало не одно ангельское тело. А ведь не сама газовая атака со своей ядовитостью напрямую послужила потере сил особо чувствительными ангелами, а скорее, громко озвученные подозрения на причастность, которые начали выражать сами виновники этой атаки, и стали причиной этой их невоздержанности в ногах. А что они могли поделать, когда эти лыбящиеся и ухмыляющиеся морды падших, так беззастенчиво упираются в вас взглядом и бесцеремонно заявляют, что знаки сверху им сегодня говорят о большом поветрии среди небесной братии, которая без урчания в животе не может спокойно видеть их – истинных ангелов?

Конечно, не все эти выпады проходили бесследно, и не одна ухмыляющаяся морда падшего вдруг оказывалась случайно задета локтем так неудачно поднятого ангелом небес... Так что выход из холла привёл к потерям: как – с небесной, так и с со стороны падшей партии.

Впрочем, были и те, кто сумел извлечь иные преимущества из этой толчеи.

Так Асмодей, до этого момента находившийся в тени своего начальства – Баала, не подавал о себе знать совсем неда-

леко находившейся от него среди своего круга Симе, но стоило только всем смешаться в направлении выхода – Асмодей каким-то чудом вдруг оказался рядышком с Симой, где незаметно для всех его рука, стеснённая внешними обстоятельствами, очень случайно оказалась на её талии. И чтобы не свалиться, и тем самым – не потеряться, ухватилась за неё, и таким образом следовала за обладательницей этой эфемерности. Когда же случилось это такое мало предвиденное обстоятельство – Сима, с полными огня глазами бросила назад свой взгляд на посмевшегося прикоснуться к ней нахала, но не обнаружив сзади себя никого, кроме Асмодея (которого, впрочем, она уже давно заприметила, как только возникла толчея), то она дала тому возможность не потерять её и приблизиться вплотную.

После чего, наверное, не стоит себя утруждать недомолвками и заявлять, что дальнейшие действия Асмодея имели под собой взаимно-обоснованное притяжение, но учитывая девичью статью, и в связи с этим невозможность вот так, открыто об этом заявлять – мы оставим решение этого вопроса для вас, с вашими додумываниями и размышлениями: почему так странно повела себя Сима, умерив свой пыл?

К тому времени, как Господь появился на арене амфитеатра, разворачивающиеся здесь действия с участием архангела Михаила и окруживших его десятком падших ангелов находились в стадии под названием: «В самом разгаре». Это можно было без труда определить по разгоряченному виду

всех участников столкновений, но в особенности – по оголившему свой торс Михаилу, который, впрочем, не единолично выносил решение продемонстрировать свои мускулы. Это решение, к его глубокому сожалению и выбитым в придачу зубам, а также о близком разрыве отношений с Михаилом его рубахи, заодно с ним принимала сразу коллегиальная комиссия, состоящая из нескольких демонов, решивших с ним один-на-десять подискутировать.

И если демоны, из-за запущенности их крыльев, больше полагались на свои ноги, удар копыт которых сбивал наповал ещё и не таких здоровяков, то Михаил делал ставку на манёвренность, которую ему обеспечивали куда как развитые крылья.

– Ну чё, картавые, опять все больными представитесь, чтобы перед ликом Господа не стоять на ногах?! – добавил Михаил жару к своему первому постановочному приветствию.

– Да мы тебе сейчас покажем, кто скоро будет болен на всю голову! – рявкнул в ответ, считающий себя самым бессмертным, Фокалор, и бросился на Михаила.

А тот, недолго думая, подлетел и запечатал тыльной стороной ноги рот Фокалору, которому только и оставалось, что подчиниться воле обстоятельств и, частично, божьему провидению. Фокалор, получив этот зубодробительный ответ, только и успел охнуть, высвистывая из себя выбитые клыки, после чего погрузился в безмятежье, на одну из ступенек ам-

фитеатра, выбор которой определился ударом Михаила.

Бежавшие вслед за Фокалором демоны ещё не успели выстроить чёткий план для атаки, как «вертушка» от Михаила достигла своей цели, и часть нападавших вновь познала тяжесть падения, правда, на этот раз, один из них всё-таки умудрился уцепиться за рубаху Михаила и, сорвав её, унести вслед за собой на пол.

Но, как бы ни был силен Михаил, всё-таки численное преимущество противной партии, постепенно заставило его немного отступить, и к моменту появления Господа, Михаил в окружении напирających со всех сторон демонов, уже находился на середине арены амфитеатра.

– Остановитесь, неразумные!!! – громоподобный голос Господа сбивает с ног всех, кто оказался в секторе его звукового удара.

После чего Господь достигает места побоища и укоризненно осматривает павших перед ним ниц, как Михаила, так и демонов. Махнув рукой на Михаила, попытавшегося что-то сказать, он промолвил:

– Молчи лучше!

– Это всё он начал, – вместе с зубами выплевывает слова очнувшийся и подошедший Фокалор.

– И что на этот раз? – взгляд Господа придавливает к полу ноги Фокалора.

– Он оскорбил нас, назвав временными, – отвечает этот жалобщик.

– А я разве могу пойти против истины, которую глаголет Михаил? Ведь нет ничего постоянного, вне времени, и всё действительно временно. Не то же ли самое вы мне постоянно талдычите? Хотя, наверное, в данном случае я ошибаюсь, и ваше недовольство есть бесконечный источник постоянства, – заключил Господь.

– Да ты опять, Господ, только тем и занимаешься, что защищаешь своих, – пробравшись к месту, заявил Люцифер.

– Не беспокойся, каждый получит по своим заслугам, – обрывает Люцифера Господь.

– Этого-то я и боюсь, – отмахивается Люцифер и отправляется в свою часть амфитеатра, на которую постепенно подтягиваются и остальные демоны.

Господь же грозно смотрит на Михаила, который без лишних слов удаляется на выход, оставшиеся же члены небесного воинства, вслед за Господом занимают свою трибуну амфитеатра.

Пока же ведётся подготовка к проведению форума, и арбитражная комиссия во главе со Временем занимает свои места и настраивается на работу, Господь, получивший полную информацию об очередной выходке Михаила, потихоньку спросил Гавриила. – А почему – картавые?

– Ну, так они обвиняют нас в том, что мы по отношению к ним используем отрицание – «де», с чем они совершенно не согласны, заявляя, что не деструктивность движет ими, а как раз желание реконструировать мир. Вот из-за их посто-

янного «реканья», Михаил не удержался и напомнил им об этом, – ответил тот.

– Ну, знаешь, над подачей материала следует ещё поработать, – подмигнул Господь Гавриилу, после чего они оба расплылись в улыбке.

Трибуна, на которой уместились Люцифер и его партия, кипела негодованием. Довольно внушительная масса партии демонов не выглядела застывшим монолитом, а скорее была похожа на кипящее варево, которое постоянно перемешивалось внутри себя, при этом в нём, всё-таки были свои островки стабильности, образовавшиеся вокруг наиболее знаковых фигур партии, чьё верховное, либо же заслуженное положение в иерархии, не позволяло им так легкомысленно перемещаться из одного круга в другой, когда для передачи поручений или какого другого вида информации, существовали специальные порученцы.

Согласно установленным правилам, в присутствии Господа имели право восседать только лишь 24 старца, при этом Господь пошёл на уступки и сделал послабления некоторой части населения, к которым относились немощные. Коей лазейкой немедленно и воспользовалась страждущая пойти всем наперекор падшая сторона, которая в своих рядах сразу же обнаружила массу больных и немощных участников. Но при этом, падшие ангелы ни в коем случае не могли допустить того, чтобы преклонить, даже таким образом, свои колени пред ненавистным для них Господом, и поэтому их

сидячее положение, всегда представляло из себя некий 90 градусный угол, в котором не было место сгибу колен. Ну а те, кто был не слишком мощен сохранять данные угловые пропорции – тот и вовсе возлежал на ступенях амфитеатра.

И брошенная архангелом Михаилом фраза в их адрес об их мнимом недомогании, имела под собой совсем недосушие мысли. Так что трибуна падшей братии представляла из себя весьма живописную картину.

Так вокруг Люцифуга Рокофаля, в объединительном круге расположилась вся его ведомственная знать, среди которых, на этот раз выделялись участники столкновения с Михаилом: князь Фурфур и герцог Мурмур, для которых, в силу их помятого вида, эта мимолетная связь прошла очень не бесследно.

– Сколько можно терпеть выходки этого выскочки, возомнившего себя богом? – приводя себя в порядок, заявлял герцог Мурмур, подбитым глазом глядя на Фурфура, которому, надо заметить, тоже досталось от Михаила.

– Клянусь век не заходить в треугольник, пока не отомщу ему! – скребёт своим полу хриплым голосом Фурфур.

– Ты, прежде чем клясться, вначале зайди в него, – знавший цену словам Фурфура, заявляет тому, каким-то образом очутившийся рядом с ними Сатана.

На что Фурфур злобно смотрит на того и бросает ответное:

– Если бы от кого другого услышал – несдобровать бы ему.

Но мне непонятна ваша реакция на мои слова. Разве внутренние распри способствуют сплочённости против общего врага?

Сатана, имевший свои виды на возможности Фурфур, всё-таки не зря спровоцировал того на нужную реакцию. Одной из главных специализаций этого демона являлась способность спровоцировать любовь между женщиной и мужчиной, но Фурфур находился в подчинении у Баала, а так как из-за негласного соперничества между ведомствами Фурфур никак не шёл на контакт без позволения на то Баала, который всё кормил его завтраками – Сатана решил сам наладить личный контакт с ним.

– Согласен. Я думаю, что мне есть, что предложить для достойного ответа этому... – замолчал Сатана.

Он сделал паузу и, заметив, что Баал, не подавая вида, с интересом наблюдает за ним (видимо, меняет своё решение), добавил:

– Да и бог с ним, – и скрылся в толпе демонов.

Фурфур же переглядывается с Мурмуrom, пожимает плечами и вновь возвращается к своему костюму.

Второй островок временной стабильности образовал вокруг себя, с виду кроткий Агарес, рядом с которым находилась его правая рука – Астарота, ну, и естественно – Дьявол.

– Да, крылья довольно значимый аргумент в подобного видах споров, – причмокивая, резюмировал Агарес, наблюдая за тем, как из холла, переодевшись, вновь появился Ми-

хаил.

– Ещё лыбится, гад, – цедит в ответ Астарота.

– Ничего, придёт время, и моя хромота ему за всё взыщется, – добавляет Дьявол.

– А разве это у тебя не наследственное? – опять со своими подковырками лезет Астарота.

– Ты что, опять за своё? – повышает голос Дьявол, которому уже не раз, по поводу своего участия в событиях той ночи, после которой они были смещены с небес, приходилось стакиваться с Астаротой, не упускающего момента подколоть его.

Астарота же, как один из самых дотошных духов, пытается восстановить всю до малейших деталей картину падения ангельского войска Люцифера, для чего под его руководством была создана комиссия, расследующая все обстоятельства этой катастрофы. А так как эта комиссия под руководством Астароты была наделена чрезвычайными полномочиями, то с ним приходилось считаться даже самым из самых. И даже Вельзевул, имевший прямой доступ к Люциферу, осторожничая, постоянно требовал, чтобы отчёты о ходе следствия ежедневно ложились ему на стол.

Что же касается Дьявола, то Астарота, хоть и не имел особых оснований сомневаться в его деятельном участии в восстании, но возомнения о себе самого Дьявола (наверняка, метившего на место повыше) не давали покоя Астароте. Правда, кроме этого имелась и ещё одна немаловажная при-

чина, известная только им двоим, и делающая их непримиримыми врагами. Так что Астарота, для того чтобы осадить и унижить этого, одного из самых опасных демонов, прибежал к различным ухищрениям, дабы не только позлить того, но и тем самым указать ему на его место.

– Не понимаю Дьявола, отчего он так кипит, глядя на этого робкого старичка, – всё удивлялся Арирон.

– А что тут непонятного? Астарота своим разговором намекает тому, что тот свою хромоту получил каким-то иным путем, и что Дьявол всегда будет в подчиненном, согнутом перед ним положении, – шепчет тому, стоящий рядом с ним Левиафан.

Что же касается третьего круга, то в него входили два высших воинственных духа: предводитель падшего воинства – Люцифер, один из серых – Белиал, а также главный идеолог партии – Вельзевул, рядом с которым, чудь позади, стоял Маммона.

Здесь, в этом круге, пока что сохранялась тревожная тишина, ждущая только повода для выплеска ненависти.

Меж тем, все приготовления к форуму закончены, и верховный арбитр – Время – ударяет в гонг, а Господь, обращаясь ко всем со своего верховного места, заявляет:

– Я есмь Альфа и Омега, начало и конец. И значит, за всё несу свой ответ миру. И для того, чтобы противная сторона получила его в полной мере, я решил ей первой дать слово, – после чего Господь замолкает и ждёт реакции против-

ной стороны.

Тут ангельская масса расступается, и на арену выходит сам Люцифер, который на середине площадки сперва осматривается в малом вокруг себя круге, а затем, расширяя свой кругозор, уже окидывает своим взглядом трибуны этого форума: напротив него находится сам Господь, левую трибуну заняли его приверженцы, а на правой находится небесная Стая.

– *Abyssus abyssum invocate* (лат. бездна вызывает к бездне). Да, вы не ослышались, ведь бездна есть всего лишь проекция вашего смотрящего в бескрайность взгляда. Да уж, в кои времена бог дал нам первое слово, – громко заявил Люцифер, чем вызвал разногласье со стороны левой трибуны. – Глядишь, в скором времени и право на слово вообще перейдёт к нам, – ухмыльнулся Люцифер, на что уже со стороны правой трибуны последовали крики типа: «Не дождёшься!». – Ладно, что уж спорить. Время нас рассудит, – обернувшись на последней фразе к арбитражной комиссии, Люцифер сложил пальцы рук в замок и, подняв их поверх головы, таким знаком отсалютовал Времени. – А почему так вышло, и как я утверждаю, будет всегда выходить? – обвёл взглядом трибуны Люцифер. – Вовсе не потому, что того захотел Господ. А всё потому, что он сам – всего лишь концентратор обстоятельств, перед которыми и находится в собственной зависимости. – Бросил свой взгляд на Господа Люцифер, но тот и бровью не повёл, и единственное, что было видно – он что-то

шепнул рванувшемуся было с места Михаилу, и тот, источая молнии, не посмел послушаться и остановился на месте. – Я не собираюсь погружать вас в непонятные дебри теистики, да и не в моей природе заниматься казуистикой, я – как все вы знаете – всегда режу правду-матку...

– Вот поэтому-то в твоих словах и нет ни капли правды! – с места крикнул, не удержавшись, Гавриил и под одобрительный шум соратников, обрушив волну смеха, добавил: – Где ж ей быть, после всего того, что ты с ней сделал? Да только – в гробу. Ха-ха!

На что со стороны падшей братии мгновенно последовал гул возмущения. Но Люцифер оставался невозмутим и, бросив презрительный взгляд на Гавриила, ответил:

– А я, знаете, совершенно не удивлен, ведь Гавриил ещё тот любитель лука, вот и боится последствий.

– Что ты хочешь этим сказать? – прогремел в ответ Гавриил.

– Не надо делать плаксивое лицо, как будто мы не в курсе, почему ты забросил лук и стрелы и переквалифицировался в копыеносцы, – не лезет за словом в карман Люцифер.

Но Господь не даёт вновь разгореться дискуссии, грозившей свернуть на невербальный путь доказательств, и остановленный на полпути Гавриил замолкает, тем самым давая возможность продолжить Люциферу, который всё же верен себе и не забывает уколоть оппонента, продолжив:

– Ну, так вот, несмотря на то, что кому-то – не буду пока-

зывать пальцем – что-то глаза режет до слез, я продолжу резать именно правду, ой, простите великодушно, – Люцифер театрально поклоняется в сторону Гавриила. – Не буду я её калечить, а просто опущу кое-кого с небес на нашу грешную землю. Так, на примере двойственности я укажу, почему будущее за нами, а не за ними, – воткнув свой палец в сторону небесного воинства, загремел Люцифер и, подождав, когда утихнет волнение, вызванное его ором, продолжил:

– Я не собираюсь быть столь категоричным, как это любят делать мои оппоненты, деля всё на белое и чёрное, на добро и зло. Мы все прекрасно знаем – это всё сказки, придуманные для человека, который в силу своей недоразвитости только и может жить тем, что мы ему внушили. А попробуй ему заявить, что он не больно-то и верит – ему мигом объяснят, что костры уже разложены и ждут своих Джордано Бруно, после чего он, ох, как больно поверит. «Если не я, то...», – как часто звучит эта фраза в устах человека. А ведь от того, как ты её закончишь, и будет вынесено решение этому человеческому миру. «Если не я, то кто?», – заявляют радетели – как они думают – добра, но почему-то в желающие защищать это добро не слишком много наблюдается добровольцев, раз звучит такая обречённость в словах. «Если не я, то моё место займет кто-то другой!», – звучит вроде как оправдание, но скорее констатация факта того, что за заменой дело не станет, и получается, что за иной категоричностью – вами названной, как зло – всегда будет преимущество. И, чуть не

забыл, как там ещё говорят приверженцы тернистого пути развития: «Свято место пусто не бывает...». Так ведь?

Люцифер, ухмыляясь, уставился на Господа, который на протяжении всего его монолога всё только покачивал головой, но когда тот выдал последнюю фразу (и как бы, тем самым бросил ему вызов) – не выдержал и громко чертыхнулся.

Этим он мгновенно вызвал негодование у Люцифера, не скрывавшего удовлетворенности от своей речи. С чем он повернулся в сторону арбитражной комиссии и официальным тоном заявил:

– И что это такое? А как же проводимая в жизнь политкорректность и толерантность? Я попрошу указать о недопустимости подобного поведения ни от кого, не взирая на ранги и заслуги.

– Может потому, что они – мёртвоорожденные ценности, – шепнуло Время, сидящему рядом с ней Эталону, который только и угугнул в ответ, не имея возможности распространяться из-за напряженного взирания на них Люцифера.

– Да, да! – поднялось с места Время (выбранное в арбитры из-за её неподкупности и умения рассудить любых спорщиков), обращаясь в сторону Господа. – Попрошу вас воздержаться от проявлений истины.

– Да, признаю, оговорился, – отвечает Господь. – Ну, а как же мне вас называть-то?

– Преисполненные, – не задумываясь, ответил Люцифер.

– Ну, это как-то звучит... Неоднозначно, – с сомнением ответил Господь.

– А это опять из-за затруднений с логистикой язык не поворачивается, – вызывающе заявляет Люцифер. – Разве не так? Ведь все мы здесь находящиеся, преисполнены желания выполнить свою миссию.

– Ну хорошо, но только в стенах этого форума, впишем в правило этикета, регламентирующего межфракционное обращение у друг другу, – следует ответ Господа.

После чего берёт слово Время и начинает оглашать расписание сегодняшнего дня:

– На сегодняшнее пленарное заседание выдвинуты на рассмотрение следующие вопросы. Первый: понятий вечности и единиц измерений. На что у нас по времени, отведена отнюдь не вечность, так что, для начала, в качестве отрезка на рассмотрение вопроса, определим ограниченность нашим терпением. Следующим предлагается рассмотреть вопрос о пророках. Ну и на прения предлагаю отвести своё время. Кто – за? Прошу проголосовать. – Обе трибуны в большинстве своём выразили единодушие, проголосовав за данную повестку.

– Кто – против? – объявляет Время, на что поднимается одна рука, хозяином которой является Сатана, что опять же вызывает единодушный смех обеих трибун, отлично знающих, что того так и называю за глаза: «Мистер Против». – Кто – воздержался? – звучит последний вариант предпола-

гаемых действий.

На который, в данном случае, оставляют себе право только две поднимающихся руки, а так же пристально смотрящие друг на друга их обладатели, имена которых хоть и находятся рядом, но только не в одной плоскости. Вот это и не может одного устраивать, из-за чего его отношение к оппоненту (без права на непростительность) и есть такое. Ну а что касается его оппонента – он, имеющий право на простительность, применяет его и даже к тому, кто его не имеет, что опять же не устраивает того, и опять всё идёт по кругу.

– Кто – воздержался? – ещё раз озвучивает себя Время.

И с разных сторон трибун, но почти одновременно, в полной тишине поднимаются две одиночные руки, хозяева которых не сводят взглядов друг с друга.

Глава 4

Встречи

Илья, заняв своё рабочее место, принялся за выполнение своих должностных обязанностей, которые требовали от него коммуникабельности в общении с клиентами и усидчивости, что и находилось в прямой зависимости друг от друга. Что поначалу у него не слишком получалось – в процессе втягивания в работу ответственность полностью поглотила его, останавливаясь лишь в момент перерыва на обед, который, надо честно признаться, никакими поглощениями не сможешь пропустить, и который (по степени того же поглощения) не имеет себе равных. А в виду того, что их рабочий график (из-за требований по непрерывному процессу обслуживания клиентов) имел сменный характер работы – его обеденный перерыв протекал в обществе тех, с кем ему на данный момент выпадала смена работать.

На этот раз, как Илья посчитал, ему повезло со сменой, и, вместо шумных и иногда непредсказуемых сослуживцев, он сегодня мог отобедать в кругу более-менее не шумливой компании, состоящей из следующих сослуживцев: всегда дружески к нему настроенной, но почему-то при этом не слишком разговорчивой Ангелины; того ещё любителя раз-

личных золотых украшений, на которые он, наверное, тратит все свои сбережения – Антона, который всегда сам себе на уме и, возможно, ещё на ком-то; ну и четвертым в их компании была толстая Мила, которая, в общем-то, совершенно не соответствовала этому своему имени, источая брезгливую ненависть ко всем носителям брюк, а в особенности к тем, кто ещё и носил юбки, к коим можно было отнести всё отдельно от неё стоящее и сидящее рядом с ней человечество.

– Блин, а ещё говорят, что полные люди есть синоним доброты, – глубоко раскаиваясь своему заблуждению и, почесывая свой затылок, заключал очередной легковёр, подавшийся на эту удочку социальной рекламы.

– Да рот свой закрой, утырок, – бросает вдогонку ему, хорошо, что только слова Мила.

Она, если бы не её подруга, пожалуй, бросила бы вслед ему и куда более существенные детали убранства стола, за которым они ещё как полчаса тому назад познакомились для детализации их отношений, в которые, как всегда вмещалась экспрессивность натуры Милы, постоянно видевшая в глазах своих новых знакомых, намёк на её такую нестройность и, тем самым, заставляющих её нервничать и давать волю своим чувствам.

Хотя, быть может, они просто не видели того, что она предполагала в них, но что, в принципе, для неё дела совершенно не меняло и – значит: держи ответ за все свои действия, и двойной – за бездействие. Так что Мила, хоть и нес-

ла с собою потенциальную опасность, но в виду того, что она не являлась тёмной лошадкой (или лошадьё для её сменного коллектива), то зная все её закидоны, на которые, между прочим, стоило посмотреть, но пока идёт обед, от неё вряд ли услышишь внятное слово, кроме чего-нибудь там: «Подай...», – то за неё можно было не переживать.

Илья, заняв за столом место напротив Ангелины (в дружеских кругах зовущейся Гелей), и не имея большого настроения к разговорам, принялся за свой обед, который он заказал в складчину с остальными. А разве нужны были какие-либо слова, когда даже твои приготовления к обеду, с этой расстановкой маленьких коробочек, вызывают искренний и радостный интерес у этой смешливой Гели, которая, по странной прихоти обстоятельств, синхронно с Ильёй достаёт из коробки те же самые пакетики с едой что и он, а это приводит того в немалое восхищение, после чего Илья даже делает предположение, что Геля обладает экстрасенсорными способностями, раз так легко угадывает то, что хочет сделать он.

Отчего Геля только мило хихикает, приводя Илью в неопикуемый восторг, а Милу – в нервический припадок; с её места просто нестерпимо смотреть на это безобразие.

– Тьфу, глаза бы мои на это не смотрели, – в сердцах расплёвывается она и, отодвинувшись подальше, тщательно заедает это безобразие огромной булкой.

Но Геля и Илья не замечают недовольства Милы, да что там Милы! Пожалуй, в этот момент для них рядом не суще-

ствует никого, и Геля, польщённая предположениями Ильи о её способностях, видимо, пытается развить их, обратив свой взор на него. Ну, а для того чтобы результат был в высшей степени удачным – для этого требуется внимание и усердие, что и стала проявлять Геля, не сводя своего взгляда с Ильи, который, по всей видимости, оказался натурой мало внушаемой и подверженной внешнему влиянию. Что было, и так и, одновременно, не так.

Рано оставшись без матери, Илья по обстоятельствам не зависимых от людской воли, а скорее находившихся в компетенции высших сил, он хоть и не остался предоставленным самому себе, но, тем не менее, с того времени его общение с близкими людьми снизилось как минимум на половину, и ему пришлось искать замену этому новому обстоятельству во внешних жизненных источниках, которые, опять же, не слишком спешили заметить эту его утрату и действовали в независимости от предпочтений самого Ильи.

Ну, а жизнь никому не отдаёт своих предпочтений и учит всех под одну гребенку, ну по крайней мере до того возраста, пока вы сами в желании переформатировать свой образ не сможете приобрести для себя новую расчёску.

И как итог всему, несмотря на ваши конечные результаты, будет всё та же слепота окружающих, с высоты своего мнения и в зависимости от обстоятельств заявляющих: «А из него ничего другого и не могло получиться...», – либо же: «А что вы хотели, если он всегда таким и был?!», – что соб-

ственно не сильно волновало Илью, который по воле всё тех же обстоятельств, стал очень внимательным к окружающим, и для которого подобные умозрения людей на мир не были в новизну. С чем, впрочем, приходится мириться всем нам.

Но всё же Илья не отстранился от мира, он предпочитал общаться с ним через свою приметливость к окружающим, что слегка смахивало на ментализм, но всё же не имело большого выражения в нём.

Илья, скорее, больше значения придавал различным приметам и знакам, которые давала каждому (но замечалась только внимательными) природа, в качестве подсказок, и стоило только Илье озвучить какой-нибудь из замеченных им знаков – это приводило в большое замешательство тех людей, к которым обращался он.

Ну, а так как при этом Илья не считал нужным подслащивать пилюлю – как правило, подобные откровения ни к чему хорошему не приводили, а только лишь способствовали росту к нему неприязни.

– Эй, менталист. Предскажи моё будущее, – жуя сэндвич, сидя в весёлой компании единомышленников и, заметив приближение Ильи, залилась смехом Мила.

– Будешь одинокой и злой тёткой, пугающей своим видом соседских детей и их родителей, – на ходу, проходя мимо их стола, заявил Илья. – Ах, да... – остановившись, сказал Илья и, подумав, добавил. – И, пожалуй – ещё толще.

После чего зрачки Милы расширяются, и она застывает

в онемении с открытым ртом, непроизвольно уронив свой сэндвич, чего она никогда не позволяла себе. Над их столом образуется мертвая тишина, грозящая вылиться в нечто скандальное, что, конечно, неприемлемо для находящегося здесь в кафе, за столом вместе с Милой и ещё несколькими сотрудниками Виктора. Но и оставлять всё так никак нельзя, и Виктор решает вмешаться, предвосхищая действия Милы, которая уже немного оправилась, начав действовать через голосовой набор слов.

– Я не поняла, чего это он сейчас сказал? Э?

Но Виктор, как их непосредственное вышестоящее звено в цепи начальствующего аппарата, обращается к Миле с тем, чтобы она успокоилась и, что он сейчас же разрешит проблему, поставив на место этого наглеца.

Милу, случись это при других обстоятельствах, конечно, было бы очень сложно унять, но присутствие Виктора, в некотором роде не даёт ей проявить себя во всём блеске, в котором (с определёнными видоизменениями) она всё же хотела как-нибудь предстать перед самим Виктором, который, по её мнению, заслуживает большего (ну, вы понимаете чего? если, конечно, вообще способны понимать!).

– Илья, – окликнул того, подойдя к его столу Виктор.

– Слушаю, – последовал ответ, принявшегося за свой обед Ильи.

– Так нельзя говорить, – наставительно произнёс Виктор.

– Что именно? – непонимающе ответил Илья.

– Такие оскорбительные вещи, – вздыхает Виктор, не ожидавший такого непонимания Ильи.

– Ну... Она же хотела узнать будущее. Так я-то тут причём, если оно ей не нравится, – с простецкой наивностью отвечает Илья.

Этим он заставляет вздохнуть от бессилия Виктора, который уже понял, что мало чего добьётся, но тем не менее предпринимает последний примирительный шаг.

– Ну ты же знаешь, что закомплексованные на чём-то люди, если дело касается их маленькой проблемы, не желают знать и слышать правду про это.

– И что от меня требуется? – Илья решает поскорее отделаться от Виктора, не способствующего аппетиту.

– Ну, хотя бы – извинись, – следует ответ скользкого Виктора.

– Вот ты за меня и извинишься, я надеюсь, а то мне ещё обедать надо, – отмахнулся от него Илья, принявшись за обед.

«Сука!», – про себя сказал никогда не убирающий улыбку с лица Виктор, следуя обратно к столу. И он не собирался всё так оставлять, и после обеденного перерыва вызовет Илью к себе, где ещё раз заявит о недопустимости такого поведения, а если кому-то это непонятно – за него никто не держится, и можно будет легко расстаться.

«Сука!», – прожёвывая жёсткий кусок мяса, подумал Илья, но к кому или к чему (а может, и к тому, и к другому)

это относилось – так и осталось невыясненным.

Также было непонятно, а всё из-за загораживающей стол спины Виктора, как отреагировала в тот момент на всё это сама Мила.

О чём, конечно, не очень трудно и догадаться: после этого небольшого злоключения, сама Мила стала питать (что она, впрочем, никогда не переставала делать) к Илье не меньшую (что, опять же, строго в соответствии с ней) неприязнь, которая затаилась в ней, ожидая удобного момента для отместки. Так что зря Илья так расслабился сегодня за обедом, не ожидая неприятностей от общения со своей сменой.

При этом надо заметить, что Илья не слишком часто себе позволял делать такие замечания, которые чаще приносили неприятности всем, чем удовлетворение от услышавших их, но в тот момент, его, видимо, застали врасплох, вот он и выступил в качестве говорящего не то, что от него хотят услышать.

В чём, конечно же, было не меньше вины самой Милы, кинувшей Илье вслед это замечание: «Менталист...», – которое подразумевало под собой не слишком лицеприятные вещи. Ну, а если бы и так – какой он к чёрту менталист, если не смог предвидеть сопутствующие его ответу последствия, хотя, если – к чёрту, то тогда – ещё куда ни шло.

В тот же день, в кафе, куда на обед решила пойти, раз уж выпало такое удачное совпадение перерыва, большая часть коллектива, Илья находился в мучительных размышлениях

по поводу последних событий, произошедших с ним за этот месяц.

Чуть запоздав, он, заметив, что места за общим столом уже не было, куда, в общем-то, он и не стремился, особенно после инцидента с Милой, решил занять свободный столик. Где поначалу (из-за подхода Виктора) он всё отвлекался на внешние обстоятельства, затем, это место занял обед, и уже только после глотка горячего кофе, Илья смог остаться наедине со своими мыслями, которые, чувствуя себя вольготно, сразу же начали чертыхаться.

– Просто, чертовщина какая-то! – в сердцах заявил он после того, как глоток кофе согрел его внутренности.

Но этот кофеиновый толчок сопутствовал на этот раз, что удивительно, не благодушию, а язвительности, которая накопившись через последнюю кофеиновую каплю и вылилась у него (так, что будьте внимательны и не усердствуйте с кофеин содержащими напитками) в тревогу, не дающую покоя, а главное – успокоения.

Перед глазами Ильи до сих пор стояли глаза той девушки, в чьей судьбе невольным участником оказался он...

Как-то вечером, к нему, ожидавшему на остановке свой автобус, неожиданно подошла девушка, что не слишком часто случается в его жизни, даже в случаях банальных просьб, с которой она и обратилась к нему, спросив: «А где здесь находится пешеходный переход?», – который ей крайне был нужен из-за необходимости перейти на ту сторону улицы.

Илья поначалу несколько опешил, не ожидая в свой адрес такого вопроса, который выглядел странным, в силу того, что буквально в ста метрах, позади от неё, находился светофор со своей зеброй.

Но, впрочем, всякое бывает, и видимое тобой (сто раз отиравшего в этих местах мостовую) может не столь заметно для тех, кто впервые оказался здесь. К тому же нельзя исключать и другой вариант этого подхода к нему, который всегда учитывается молодыми людьми, стоит им только столкнуться с весьма симпатичным представителем противоположного пола.

Естественно, Илья готов был помочь этой привлекательной особе, и он со знанием принялся вводить её в курс дела, где ей, по его мнению, следовало перейти дорогу, при этом его сопутствующее словам жестикулирование, своей чрезмерностью было несколько несвойственно ему, что, впрочем, объяснимо непривычными обстоятельствами дела.

– Ой, точно, я вижу, – искренне удивляясь своей невнимательности, улыбается эта «симпатюля».

– Бывает, – улыбается в ответ Илья, пожимая плечами, после чего наступает неловкая пауза, в которой эта «симпатюля», кажется, что-то хочет ему сказать.

Но тут в поле её зрения попадает нечто такое, что заставляет её омрачиться в лице, после чего она, видимо, решает совсем на другое, что не входило в её планы. И она, ещё не успев очистить свои слова от сладкой мягкости, сказав:

«Спасибо...», – отправляется в сторону светофора, оставляя на долю Ильи только возможность смотреть ей вслед.

Что касается Ильи, то он немного расстроен, ожидая хотя бы небольшого продолжения общения, которое вот так резко закончилось, так и не начавшись.

По мере удаления от него «симпатюли», Илья решил взглянуть в противоположную от неё сторону, для того чтобы узреть то, что, возможно, спугнуло её, но там, по его поверхностному мнению, не было ничего такого пугающего.

Но не успел он толком об этом подумать, как вдруг резкий визг тормозов и последующий удар заставил его обернуться назад, в сторону «симпатюли», на месте которой находился уткнувшийся в светофор автомобиль, снесший всех тех, кто в тот момент находился у светофора.

Внутри Ильи всё упало, и он, вслед за бегущей в ту сторону зевающей публикой, на ватных ногах попытался подойти туда, что у него вышло лишь отчасти, так как скопление людей чисто физически не позволило ему приблизиться туда, куда он – впрочем, страшась увидеть то, что мог увидеть – и не порывался лезть.

И только когда пронеслась «Скорая помощь», лишь тогда он сумел заметить (а скорее всего – предположить), что именно на этих носилках и оказалась эта «симпатюля», которую именно он послал к этому чёртову светофору.

Отчего Илье стало так нестерпимо само обвинительно, что он, как только увидел носилки, то растолкал стопивших-

ся здесь селфи-блогеров, не упускающих момента запечатлеть всё на свой телефон, для того чтобы быть первым, кто выложит кадры на какой-нибудь он-лайн ресурс, специализирующийся на подобных видах информации и бросился к носилкам. И единственное, что Илью удержало от первого комментария в виде зуботычины, которая всегда к месту, как дополнительный бонус к будущему ролику этих доморощенных «блехеров», так это его желание поскорее убраться с этого места, где невольным участником был и он.

Но всё же, в тот момент, когда носилки заносили в карету «Скорой помощи», внутри Ильи что-то оборвалось, и, наверное, только шум мигалок не позволил оглохнуть окружающим от вопля Ильи, который, вспомнив лицо «симпатюли», не выдержал и заистерил, после чего он оказался как будто в каком-то вакууме не сознания, в котором перед его глазами всплывали различные кадры, где, в основном, мелькали какие-то люди на фоне мигалок, и как ему помнилось, что некто, запоминающийся своей не запоминаемостью, помог ему выбраться из этого адского мрака.

Сделав большой глоток из стакана и, несколько нервно отставив его от себя, Илья решил немного отвлечься от этих тревожных воспоминаний, не дававших ему, ни днём – терзая мыслями, ни ночью – со всякой снящейся чертовщиной, покоя.

Илья откинулся на спинку стула и принялся наблюдать за столиком, где так шумно проводили застолье его коллеги по

банковскому цеху.

Что ж, собственная шумоизоляция на рабочем месте, входящая в корпоративный кодекс поведения сотрудников, налагает на них определённый отпечаток, так что, вот только здесь, в получасовые минуты свободы, и приходится выплескивать из себя застоявшееся за время обслуживания клиентов эмоциональное слово задержание.

Конечно, не совсем прилично заглядывать в рот вкушающих блюда людям, но когда дело касается жрущих, то тут нет места до всего этого этикета, и тебе наоборот, приходится чувствовать себя как бы близким родственником, на которого можно случайно наплевать, уронить и забрызгать.

Так что, в этом частном (но не частичном, а всё больше завоевывавшим пространства общепита) случае, простая личная безопасность требует от вас всегда иметь в виду то, что сейчас пытается откусить или выпить ваш сосед, который не может успокоиться на одном действии и спешит выполнить сразу же несколько: закусывать, одновременно общаться по телефону, а также – с соседом по столу; вести амурные атаки на недалеко сидящую деваху, так ловко уминающую паштет, успевая при этом строчить СМС-ки.

Илья обвёл взглядом весь сидящий за общим столом коллектив, и не заметил их большой заинтересованности в нём, да и к кому-либо – кроме себя. Хотя, всё же с одним взглядом он встретился, лицо которого всё также доверчиво смотрит на него сейчас и мило улыбается, сидя напротив.

– Ну, Геля, ты что, моей смерти желаешь? – смотрит ей в глаза и говорит Илья. На что получает удивлённый, с расширенными зрачками взор Гели. – Не смотри на меня так, а то я подавлюсь, – вносит ясность Илья.

После этого Геля хлопает ресничками от удовольствия, ну а Мила, которая, в общем-то, совсем не против такого варианта развития событий, фыркая, делает объявление: «Пора закругляться с обедом», после чего встает с места и направляется к двери.

Оставшиеся же быстро заканчивают свой перекус и, кто – с отрыжкой, кто – с изжогой, а кто, наоборот, чувствуя, что жизнь того стоит, направляются по своим рабочим местам.

Рабочее место Ильи находилось по соседству с Ликой, и это соседство давало ему некоторые преимущества, которые и приносила близость расстояния, правда, судя по тому, что приходилось делать Илье – весьма сложно было судить, кому же подобная близость приносила больше бонусов, что, конечно, только нам – расчётливой и цинично настроенной публике – виднее.

Когда же дело касается иной, неразумной и нематериальной области чувств – какие могут быть подсчёты, когда сам факт того, что именно к тебе обратились с просьбой, затмевает всё остальное?

А он затмевает, в том числе, и подоплёку этой просьбы, которая содержит в себе использование тебя и твоих чувств, что для тебя совершенно неважно, раз тебе доставляет сча-

стью подобное положение вещей. На что Илье не раз и указывал его друг Ден, и что было постоянным источником их споров, хотя Илья на это никак не хотел реагировать.

Конечно, у Ильи были свои, всесокрушающие доводы, о которых он, впрочем, старался не распространяться. А зачем что-то говорить, когда только вам стоит присесть рядом с ней, где благоухание ароматов её духов окутывают вас, вводя в транс и делая из вас послушное орудие в её руках, которые такие нежные и красивые, да вы и неспособны найти слов для отказа.

К тому же, близость к Лике позволило Илье очень хорошо изучить её: по малейшим интонациям её голоса он мог определить, когда она тревожится, а когда, наоборот, радуется, чем он, конечно, себя только тешил, как это делают все ослепленные и нарочно оглохшие от всего окружающего люди, кроме только своего сердца, которое на этот момент, только и имеет право голоса.

И вот сейчас, Илья не просто удивлён, а даже несколько озадачен, слыша эти появившиеся новые нотки в голосе Лики, о наличии которых он, можно сказать, хоть и догадывался, но не ожидал вот так стать свидетелем этого их проявления в отношении к непонятно кому.

Илья ещё толком не сообразил, что стало поводом для этого флиртообразного разговора Лики с клиентом, но внутри него, предощущая опасность, всё как-то уж быстро заиграло, и Илья полностью переключил своё внимание на Ли-

ку, которая каким-то для него незнакомым голосом, не только проявляла заинтересованность к тому, кто находился за окошком стойки, но и время от времени «устанавливала» музыкальную паузу, люющимся изнутри весёлым смехом, как ответом, и, наверняка, на плоские шутки этого, уже заочно ненавистного для Ильи клиента.

Отчего, впрочем, Илье совершенно было нелегче, и он, дабы прекратить это для себя мучение, решает посмотреть: кто же всё-таки, этот нарушитель его спокойствия, который возможно, в силу своих физических особенностей организма, не представляет для него опасности.

И Илья, чуть ли не сворачивая шею, устремляет свой взгляд на клиента Лику и видит, что его опасения оказались не беспочвенны, и вместо какого-нибудь забавного дедка (как бы лучше сказать? в общем, не буду мудрствовать, а скажу), на месте клиента находилась одна из ярких картинок девичьих грез, приправленная сопутствующими предметами экстерьера: дорогим костюмом с такими же часами и запонками в придачу, ну и главное, соответствующим взглядом – человека на всё имеющего право, и этим взглядом он оценивающе взирал на Лику, прикидывая соразмерность расходов на неё, пока его взгляд не натолкнулся на появившееся из-за угла любопытное лицо Ильи, которое (не надо быть физиономистом), выражало легко читаемое на нём растерянность и тревогу.

Клиент, а вернее сказать, представитель господствующего

класса хозяев жизни, ухмыльнулся, и когда Лика обратилась к нему:

– Напишите на листочке сумму.

Он достал из кармана пиджака дорогую ручку, быстро что-то чиркнул на одном листке, затем его передал Лике, после чего уже несколько объемнее наполнил другой листок своими письменами и, придвинувшись к окошку, за которым находился вернувшийся назад Илья, без слов, глядя ему в глаза, пододвинул тому этот листочек бумаги.

Илья же, после того, как они обменялись взглядами, не стал с ним играть в переглядки и вернулся к себе, и в тот момент, когда он уже собрался заняться своим клиентом – в его окне и нарисовалась улыбающаяся физиономия этого господина, в руках которого, прижатая к поверхности стойки, и находилась записка, которую тот пододвигал рукой к Илье, который внутри себя не ожидал от этого ничего хорошего, но и отказаться ему от этого не было никакой возможности.

Между тем, в этой пантомиме принимал участие и третий участник, выразивший свою заинтересованность во всех этих телодвижениях Ильи и этого (по мнению Лики, замечательного – просто мечта) господина, которым, как вы уже догадались, была сама Лика, удивившаяся тому, что тот самый господин – Максим Леонидович – ставший для неё уже Максом, проявляет кроме неё ещё к кому-то свой интерес.

Конечно, кроме этих трёх был ещё и четвёртый, нервно стучащий своими костяшками пальцев по стойке клиент, для

которого ожидание – само по себе уже мука, ну а тут ещё сотрудник вечно на что-то отвлекается! Но всё же этот статист, которыми так полны очереди в различные виды учреждений, был лицом незаинтересованным, а скорее, только интересующимся: когда же, наконец-то, его обслужат, так что его можно просто отфонить.

И вот Илья, под наблюдением двух заинтересованных в его дальнейшей реакции внимательных пар глаз и одной жаждущей только узнать, когда всё это закончится, подносит к себе этот листочек бумаги и, перевернув его к себе с информационной стороны, начинает читать: «Что чмо хочешь её я обую запятые можешь расставить сам...». Прочитав первую часть записки, Илья чувствует, что он покраснел до кончиков ушей, что также не укрылось от внимания Лики и этого господина, который всё также с улыбкой взирал на Илью, оторвавшегося от читки и поднявшего глаза на странного клиента, не сводящего с него своего взгляда.

– Ну, ещё долго? – вдруг выразил нетерпение нервный клиент.

– Нет, ещё один момент, – поспешил успокоить того Илья, на мгновение переведя взгляд на нервного клиента, чтобы отделавшись от него, вернуться к главному.

– Да, ещё один самый важный момент, – сделав ударение на фразе «самый важный», добавил этот господин, указывая на записку.

После чего Илья, вспотев от внутреннего огня, под пере-

крестными взглядами возвращается к записке: «P.S. Если хочешь получить шанс позвони +7*****6...».

Илья поднимает взгляд, но кроме нервного клиента уже никого нет, и Илье ничего другого не остается делать, как поторопится купировать нарастающее возмущение этого клиента, ускорив его обслуживание.

Трудно сказать (а ещё сложнее вспомнить), как Илья смог доработать до перерыва, который незамедлительно привёл его в туалет, где он сходу, с воплями, разбивая руки о зеркало, обрушился на своё изображение в нём.

– Сука, ненавижу! – нанес Илья удар точно в нос своему отображению в зеркале, чем достиг незамедлительных результатов – противник в зеркале согнулся от боли, которая, по странному стечению обстоятельств исходила не от носа, по которому так ловко попал Илья, а почему-то от разящей руки, кровь от которой частично размазалась и на зеркале.

Так что Илья, спустя некоторое время, засунув руку под холодную воду из под крана, мог быть удовлетворен тем, что его лицо в зеркале тоже истекало кровью, так что не всё так печально, и нечего было, мотая отбитой рукой, добавлять к сказанному: «Ой, падла!».

Илья, взглянул на своё изображение в зеркале, вдруг там же видит, как открывается дверь кабинки туалета, и оттуда, улыбаясь, выходит Модест, который подходит к соседнему крану и, глядя в зеркальное отражение Ильи и, намывая свои руки, говорит.

– А я уж думал – никогда отсюда не выйду, – подмигнул Модест Илье, который только сейчас сменил своё застывшее от удивления выражение лица на проблеск надежды.

– А что случилось-то, раз ты так себя не жалеешь, а в особенности – инвентарное имущество? – произнёс Модест, затем достал бумажное полотенце и, как ни в чем не бывало, принялся вытирать кровь на зеркале.

На что Илья, почему-то, ничего не предпринимая, взирал с каким-то отстранением.

– Ну, так что? – вытерев зеркало и, выбросив полотенце, спросил уставившийся на Илью Модест.

А Илья, как заговорённый на молчание, ничего не говорит и, достав из кармана записку, протягивает её тому.

Модесту же ничего другого не остается делать, и он, принимая правила игры, погружается в секундное изучение содержимого записки, затем поднимает свои глаза на Илью, ожидающего реакции того, и говорит:

– Что сказать... Грамотей писал.

– И я о том же, – наконец-то, разговляется Илья, правда, его утверждение о чём-то том же, не совсем ясно для окружающих, но Модест не придаёт большого значения его словам и спрашивает:

– И что собираешься делать?

Да уж... Странны эти случайные люди, оказавшиеся у тебя на пути в моменты неизвестности, требующих от тебя принятия судьбоносных решений, а от них пойдя – дождись

хоть какой-нибудь помощи. Тогда, какого ляда стоило их посвящать в свои неизвестности, в которые для посторонних вход только в случаях крайней необходимости бывает открыт?

Так что Илья как нельзя предсказуем со своим:

– Не знаю.

Но и Модест не блещет разнообразием, предлагая ему:

– Позвони.

(Ну, спасибо, что открыл то немислимое, до чего Илья никак додуматься не мог).

Видимо, вопрошающий вид Ильи требовал от Модеста дополнений, и тот с выражением безмятежности, бесцеремонно засовывая записку обратно в карман Ильи, вдруг, как заорёт ему под нос:

– Да пошли ты его к чёрту, – тем самым подавляя в нём все растерянные желания. Затем он так же быстро затихает, как будто бы ничего и не было, и Илье, оглохшему на секунду, кажется, что всё это ему только показалось, да и Модест, всё также стоит смирно и улыбается ему. – Чего переживать-то. Кажется, публичной оферты нет, так что за спрос денег с тебя никто не возьмёт. Так что, позвони, – говорит Модест, чем окончательно приводит Илью в замешательство, непонимающего: кричал ли он до этого, либо же ему всё это только померещилось. – Чего думаешь. Если звонить, то только сейчас.

Модест достаёт из кармана свой телефон и протягивает

его для звонка Илье, который, как замороженный, берёт его, достаёт записку из кармана и начинает набирать номер.

Затем, набрав номер, Илья подносит телефон к своему уху и смотрит в смотрящие на него глаза Модеста, который, по всей видимости, также испытывает любопытство, имеющее свойство несколько иного характера и, скорее, обращенное к самому звонящему, а не к тому, кому он звонит.

Вот идут длинные гудки и кажется, что уже никто не возьмёт трубку и можно будет с облегчением выкинуть этот мерзкий листок, с не менее ненавистным номером телефона, как вдруг длинный гудок уходит в небытие, уступая место не по-человечески стальному голосу, который, не тратя время на всякие там алло-условности, с ходу вопросителен:

– Кто это?

– То чмо из банка, – излучая внутренний огонь, резок в ответ Илья.

– Ха-ха! А, это ты? – ржёт человек из телефона. – Ты меня успокоил, а то я уже стал сомневаться в тебе, – после эмоционального всплеска, всё также весело, но не очень-то информационно понятно для Ильи ответил этот тип.

– Ну, так что? – следует ответ Ильи.

– Ладно, не гадай, всё равно не разгадаешь, – ещё более туманно отвечает голос из трубки.

– Согласен, – не сдаётся Илья.

– А куда тебе деваться, – вновь ржёт собеседник, после чего Илья уже готов бросить трубку, но оппонент, как будто

предполагая подобный сценарий развития событий, спешит сообщить. – Ладно, не кипи и не «фэн-шуй». Завтра, есть время поговорить.

– Есть, – следует ответ Ильи.

– Вот и хорошо, – завершает разговор незнакомец, оставляя тем самым за собой право на маневр.

– Ну? – глядя на Модеста, безмолвно вопрошает Илья.

– Загну... – в той же немой вариации ухмыляется Модест, на что у Ильи теперь уже есть что ответить, но ему кажется, что сегодня уже сказанных слов достаточно, и что ему этого не надо, так как его организм, в определённой степени получив разрядку, наконец-то, может говорить о своём, на должном уровне, самочувствии.

– Значит, завтра, – анализируя это время, произносит Модест.

– Завтра, – лаконичен Илья.

– Тогда – до завтра, – прощается с ним Модест, выходя за двери этого пристанища нетерпимости.

– До завтра, – кидает ему вдогонку Илья, смотрится ещё раз в зеркало и возвращается на своё место, где, как оказывается, сгорая от любопытства, его во все глаза высматривает Ли́ка.

– Ты где так долго пропадал? – не успел Илья присесть, как Ли́ка, покинув своё место, набросилась на него.

– Ну, я думаю, тебе это не будет интересно, – отвечает Илья, который, чувствуя себя сейчас в каком-то особенном

состоянии, в котором есть место и игривости, пожалуй, смог бы рассказать ей все тонкости своего пропадания.

– Так ты, что? С ним знаком?– прямо влезая ему в лицо, любопытствует Лика.

– С кем?– так и хлещет из Ильи искренность непонимания.

– Не придуривайся. С Максом, – очень серьёзна Лика.

– Конечно. Кореша, – то ли серьёзно, то ли в шутку отвечает Илья.

И Лика в полной растерянности, крепко задумавшись, возвращается на своё место и, бросив многозначительный взгляд на Илью, приступает к работе.

Глава 5

Безотносительная безнадёжность по отношению к некоторым персонажам при их относительном отношении ко всему

– Ты доказал лишь одно: ты всего лишь сильнее меня и при том, только физически, – извергает пламя Люцифер, бросая разрезающие воздух слова в сторону Господа. – У тебя – только право сильного и действует, но истина – одна, и она говорит: не в силе правда, а сила в правде.

– Да ты опять ничего не понял, – с грустью отвечает ему Господь.

– Не надо. Я знаю лишь одно: что если нет аргументов – прибегают к грубой физической силе. И только дай время – я докажу тебе свою правоту, что ты прекрасно знаешь. Да, брат... – зловеще скрипит зубами Люцифер.

– Да будь ты проклят, чурка из преисподней, – гремит божественный голос. – Никакой ты мне не брат, – кричит вдогонку Господь...

«После чего разверзаются врата ада, и Люцифер (как сейчас помню), завернувшись в плащ, молнией низвергается вниз...», – пересказав этот диалог Люцифера с Господом,

Белиал замолкает, глядя сквозь сидящего напротив него начальника тайной канцелярии Баала, который в силу живости своего характера, но при этом почтенного возраста (хотя, в данном случае возрастные рамки даже как-то неуместны, так что будет лучше применить характеристики: заслуженный и соответствующий) слушал его достаточно эмоционально.

Так вот, сообщать собеседнику о наличии у него артроза не входило в планы Баала, так что вся его живость характера, о которой ходили легенды, отражалась на его лице, которая была под стать его внутренней бушующей энергетике.

Баал – один из немногих, кто заработал себе имя, как в прямом, так и переносном значении.

Так, каждой ступени иерархической лестницы соответствовал свой ангельский ранг, созданный божьей волей, наделившего каждого представителя ангельской братии в соответствии с его занимаемым чином, волей и силой. И видимо, одной из причин, побудившей Баала присоединиться к восставшим ангелам, и было его несогласие с установленным порядком, где он (как им считалось) занимал не подобающее ему место, что, скорее всего, и явилось основной побудительной причиной для многих присоединиться к восстанию, которое, как говорится, всё в итоге и расставило по своим местам. И недовольные своим положением, в принципе, получили то, что хотели, ну, а если новое место вас не устраивает – вините только свою непоседливость, которую всегда будет что-нибудь да не устраивать.

После того же, как треть от всего ангельского воинства была низвергнута в ад – началось строительство нового мироустройства, которое, по большому счёту, стало всего лишь перевернутой калькой иерархической системы Господа.

Так, рождённые в славе, занимали в соответствии с ней своё место в новой системе, да такое, что даже появились предположения, что всё произошедшее было заранее спланированной акцией приближенных к престолу херувимской партии, требующих чистки в рядах ангельской братии, среди которых (как созданий свободной воли) развелось много недовольных своим положением, тем самым ставящих под сомнение особенное положение херувимов.

Другие же предполагали, что всё это уже было предопределено Господом, его божьей волей, создавшей часть ангелов именно такими – с поместившимся в них духом противоречия, которые (как только были созданы для этого условия) и восстали, но не против самого творца, а против его системы.

Но система всё-таки претерпела свои изменения, благодаря этому восстанию, что, опять же даёт основания предполагать, что всё ради этого и было задумано.

Ведь именно появление человека требовало реформирования всей действующей до него системы взаимоотношений, и Господь, предвидя будущие сложности и опасности его бюрократической системы в работе с новым своим созданием, и создал предпосылки для этих изменений, в которых и была задействована (созданная им же!) недовольная

часть ангельской братии.

Но подобные крамольные мысли могли себе позволить только наиболее недовольные, и уже только среди тех, кто последовал вслед за Люцифером, и кто остался, в силу своей сущности, опять же в положении нестерпимости своего положения.

К таким и относил себя Баал, которому, казалось, было грех жаловаться, что опять же в его устах звучит, как похвальба.

В общем, Баал – один из немногих, кто благодаря упорству и трудолюбию (что, хоть и вызывает отторжение и смущение у многих падших ангелов – тем не менее, всегда востребовано) сумел, несмотря на свою ангельскую славу, достичь этой высокой властной ступени в иерархической лестнице системы, выстроенной Люцифером. Хотя – многие так считали – он занимает её не по праву своего рождения.

Но разве теперь, зная все методы работы этого въедливого и не знающего устали трудоголика-Баала, кто-то может, вот так, в открытую, предъявить ему это.

– У меня, не заба... – звучащий голос начальника тайной канцелярии перебивает истошный крик сомневающегося, после чего сказанное им преобразуется и уже звучит, как «заБААЛуешь». И говорят, что это прозвучавшее слово так насытилось зловещим смыслом, что после этого о начальнике канцелярии стали говорить только как о «Баале».

Он об этом знал и со временем окончательно переменил

своё уже затертое временем и непримечательное имя на это значительное – Баал.

Тайная канцелярия, которую возглавлял Баал, в иерархической системе хоть и стояла наряду с силовыми ведомствами (находящимся в ведении Агареса – ведомством веры, а также Вельзевула и управделами Административного Департамента под руководством Люцифуга Рокофаля) на одной из высших ступенек управления исполнительной ветви власти, но всё же административно находилась в подчинении у АДа, что совершенно не устраивало Баала.

Что же касается его собеседника Белиала – это был один из первых ангелов, присоединившихся к Люциферу, имеющего на того большое влияние, но при этом, всего лишь занимая место министра без портфеля, что, впрочем, не мешает ему быть одним из тех серых «кардиналов», которые знают все скрытые внутренние пружины, приводящие в движение работу системы.

– Ну, и что ты думаешь, было дальше? – хитро посматривая на Баала, говорит Белиал.

– И – что же? – следует ответ Баала.

– Ты же знаешь Люцифера, и его никогда неунывающий характер. Так Господь, уже было успокоился, как услышал адский смех из преисподней.

– Гавриил, иди, посмотри, чего он там ржёт, – посылает Господь того.

Гавриил мигом летит туда и обратно, после чего смущён-

но докладывает.

– Да вот, кричит, что ему оттуда всё видно, а в особенности – ваше исподнее.

– Ах, подлец, и там не успокоится, – в сердцах говорит Господь.

После пересказа этого диалога, Белиал смотрит в упор на Баала, и они одновременно закатываются от смеха.

– Да уж... – отойдя от смеха, заявляет Баал.

– А что поделатъ, когда все кутюрье только у нас и обитают, так что им там, наверху, придётся мириться с существующим порядком дел или же вносить поправки в действующие заповеди, – отвечает Белиал.

– Ну, этого от них не дождёшься, так что, как и всегда – смиряйся, что у них лучше всего и получается, – хмыкнул Баал.

– Я тоже так думаю, – развалившись в кресле, говорит Белиал.

– Ну, а всё же, скажи: кем, по твоему, Люцифер приходится Богу? – живо интересуется Баал у того.

– Я, конечно, многое знаю, но есть секреты, в том числе относящиеся к божественной сущности, к которым даже первые из первых не имеют допуска. Ведь познав, ты становишься в один ряд иже с ним, – сверкает глазами Белиал, имеющий на этот счёт своё мнение и желание познать.

– Ну, в операции «Древо» я не принимал участие, так что все вопросы к Сатане. Это он у нас мастак на подобного рода

дела, – следует ответ Баала.

– Да, были времена, – со сладостным вздохом вспомнил Белиал.

– Да, не говори, – поддержал Баал.

– Сейчас уже всё не то, и даже те, кто должен был остаться тем же – изменился, – намекает Белиал. – Знаешь, что он мне тут как-то сказал? – не ожидая подтверждения или отрицания, продолжает он. – Ему, видишь ли, не перед кем держать планку, и что за неимением равных себе – его гордость чувствует упадок. И это он говорит мне? Первому из первых, появившемуся гораздо раньше его загоревшейся звезде.

– Белиал не удержался и дал волю своим эмоциям, затем, всё же быстро (виня себя за неподобающую невоздержанность) успокоился и, бросив взгляд на непроницаемое лицо Баала, не стал себя обманывать в том, что тот всё пропустил мимо ушей (что, впрочем, ничего не даёт, так как он не упоминал имена, но, всё-таки имеет под собой упущение, связанное с этим), и что Баал не сможет сделать для себя результирующих выводов по поводу его истинных умопостроений.

Так что необходимо было срочно перевести разговор, и Белиал спросил:

– Я, знаешь, заметил, что в последнее время наша ангельская братия всё чаще устремляет свой взгляд в небеса. Что, по-моему, не может не тревожить.

– А, что тут удивительного-то. Ха-ха! – прохаживаясь вдоль своего кабинета, засмеялся Баал. – Куда смотришь –

то и приходится видеть, а значит – и осмысливать. А раз перед нами постоянно маячат небеса со своими прелестями – что поделаться? Вот и приходится, может и не желая того – упоминать их в разговоре.

– Ну, это только отговорки. Ведь необязательно задирать голову, поглядывая ввысь, а оставаться верным своему делу и продолжать работать. А если уж так невтерпеж – всегда можно заглянуть в себя и отдохнуть, – отвечает, имеющий право на сомнения, Белиал.

– Но ведь небесная рать, со своей стороны, видя наши взгляды на них, пребывает в смущении и тревоге, и тем самым нервничая, допускает больше ошибок в своих действиях. К тому же, закон материальности никто не отменял, и снаружи всегда видней, чем изнутри, сколько бы ты не старался заглянуть в себя, – заявил, остановившись напротив своего критичного собеседника, Баал.

– Ну ладно, давай по делу, – понизив свой голос, заявил Белиал.

– Значит так, необходимые наработки уже есть. Уже направлена группа для сбора всех нужных компонентов, плюс параллельно этому: одному младенцу был имплантирован блокиратор, и он, можно сказать, так и остался девственно чистым без этих икс-примесей. Сейчас мы ведём за ним постоянное наблюдение, и как только будут собраны все компоненты и проведены подготовительные аналитические работы – можно будет запустить процесс отторжения, – прого-

ворил Баал и стал ждать реакции своего визави, который не спешил с ответом, предпочитая в своих действиях (при всём своём обманчивом юном виде) тягучую неторопливость, которая всегда слишком дорого обходилась его оппонентам.

– А какие есть гарантии того, что всё пойдёт по плану, и он будет поступать так, как нам того нужно? – следует тягость речи Белиала.

– Ну это уже не ко мне. Ведь даже договор с Дьяволом, не дает того, чего от него ждёшь. Хотя это может, и крамольно звучит, – хихикнул Баал.

– Что ж, надо будет покумекать, – вставая со своего места, сказал Белиал, подошёл к столу, за который вновь уселся Баал и, уперев руки в столешницу, наклонился к нему и тихо спросил. – Ну, а от меня-то что требуется? – обдал смертельным холодом он Баала, который хоть и был ко многому привычен, но Белиал умел охладить пыл любого, и даже адский огонь, бушевавший в груди у самых стойких приверженцев Люцифера, обволакивался ледяной коркой смертельного холода, который изливал Белиал.

– Всего-то ничего, – задёргал глазом Баал. – Раз дело требует беспристрастности – нам нужен независимый проводник.

– А разве... – хотел было что-то сказать Белиал, но вдруг замолчал и, выпрямившись, задумался, после чего сказал. – Хорошо. Я переговорю с теми, от кого зависит принятие решений, – после чего Белиал направляется к выходу и скры-

вається за дверьми.

Баал же, всё также оставаясь на одном месте, не сводит своего взгляда с дверей. При этом кажется, что в его голове идёт борьба между несколькими весьма противоречивыми мыслями. После чего он выразительно хмыкает и выдает вслух:

– Гарантии ему подавай... – затем он вдруг подскакивает с места, сложив пальцы руки в многозначительный знак из трёх пальцев, который по степени авторитетности употребляется даже чаще, чем слово «чёрт».

Что же касается употребления этого знака в данный момент Баалом – он резко выбрасывает руку вперёд и кричит:

– А вот этого ты не хочешь?! – затем приходит в должное равновесие и, садясь обратно в кресло и сложив руки в замок на груди, начинает делать прикидки. – Ему-то хорошо. Он в любом случае и при любых результатах отмажется, заявив: что он так и знал, а, что – знал, разве будет важно? А вот ему-то потом придётся держать ответ и если не перед Люцифером, то, или силовики из ведомства Агареса, или из комиссии Астароты по чистоте «Славы» найдут, что предъявить ему, вплоть до измены, а это прямиком ведёт из свободных в заключенные. – Потирая виски, думал Баал, который, впрочем, и завертел все эти дела. – Сомнения, есть ключ ко всему, – любил частенько говаривать он, чему и следовал на протяжении всего своего существования.

– И что получается: всю грязную работу выполняем мы,

когда те, наверху, только указывают нам, что нам делать и как себя вести, а что тогда изменилось в результате нашего восстания? – сидя по вечерам у себя в кабинете, мучился вопросами он. – Выходит, что мы, так и не добившись признания, просто были переведены на другой уровень труда во славу Господа. Но тогда какой смысл находиться здесь, если можно, покаявшись, вернуться наверх, в блеск славы Господа, – вскакивал он с места, прохаживался по кабинету, после чего, успокоившись, садился назад для дальнейших своих откровений. – Тогда, что получается? Либо Люцифер действовал по тайному плану, согласованному с Господом, тем самым обманывая нас, – что, впрочем, требует основательно-го осмысления, для чего, собственно, нужна была эта скрытность, неужели каждый для себя не посчитал бы за честь служить на этом фланге ответственности? Нет, всё же это совсем не вяжется с божественной сущностью, и он не мог так поступить с нами, – либо все же Люцифер окончательно поглупел из-за своей гордыни. Что, собственно, дела не меняет, и если его устраивает нахождение здесь, то меня это не волнует, – ударом по столу заканчивал свой блок размышлений Баал.

– Пожалуй, Белиала можно будет убедить в том, что наше положение несправедливо, и его может изменить лишь кардинальная модификация системы, – прикидывал Баал дальше, вспомнив как один из высших сановников – Белиал, после назначения Вельзевула не смог сдержать эмоции у него в

кабинете и, брызгая слюной, кричал: «И знаешь, что он мне говорит? Мол, Вельзевул – физико-актуален для этого, а мне сует министерство без портфеля, заявляя: что я, по его мнению, как самый преданный его соратник – выше всего этого и, значит – обойдусь. Ха-ха!». – От его смеха тогда дрожали стены, что было довольно странно для Белиала, стоящего в первых рядах не избыточности суеты.

После того памятного для Баала инцидента, он, не имеющий привычки забывать, и решил заручиться поддержкой Белиала.

Конечно, Баал не мог напрямую высказать тому свои мысли, это грозило ему в подозрении на безыдейность. Ведь, кто знает, как себя поведет Белиал, желающий любых путей для достижения своих целей?

Хотя, конечно, и тот мог подумать, что по отношению к нему проводится провокация.

Так что Баалу пришлось завуалировать свой план, скрывая истинные причины задуманной им операции.

До Белиала было доведено, что (по его – Баала – оперативным данным) со стороны Ада ведутся сепаратные переговоры с одним из представителей архангельской братии, и как ему подсказывает чутье, возможно, за ними стоит сам Гавриил, а значит переговоры санкционированы Самим.

– Дальше, – последовал жёсткий ответ Белиала, стоило только Баалу замолчать.

– Информация ещё не полная и слишком путанная, но в

общих чертах, ситуацию можно обрисовать так: они хотят купировать последствия, вызванные результатом соблазнения Евы, после чего и был испробован тот плод с дерева познания, – сказав это, вновь замолчал Баал.

– Но как? – не усидел на месте Белиал.

– А вот в этом, как раз нет ничего сложного. Нужно всего лишь собрать тот химический ингредиент, который вследствие употребления им плода с дерева познания впитался в человека. Ну, а затем – найти неподверженного изменениям мужа и представить его Господу. После чего получить прощение и вернуть себе своё место на небесах, – выдав всё это, Баал замолчал и изучающе уставился на Белиала, который совершенно потеряв покой, то садился, то вскакивал с места.

– Я что-то подобное предвидел! – в очередной раз подпрыгнув с места, зарычал Белиал, потом прошёлся вдоль стола Баала, остановился и, посмотрев внимательно на того, неожиданно тихо спросил. – А мы можем их опередить?

Услышав это (а это было то, чего он жаждал услышать), внутри Баала всё радостно закипело (что, впрочем, должно было остаться незамеченным), и он, помедлив, бесстрастно спросил Белиала:

– Вы говорите о том, о чём я подумал.

«А ты, старый лис, предлагаешь это мне озвучить!», – смотря прямо в глаза Баала, подумал Белиал, но сказал вслух совсем другое:

– Да, действуйте по вашему усмотрению. Если что, моя

поддержка будет вам обеспечена.

«Ах ты, паразит, всё на меня хочет повесить!», – ответно улыбаясь, Баал посмотрел в немигающие глаза Белиала.

– Сделаю всё, что в моих силах, – ответил Баал.

– Ну и хорошо, когда есть взаимное понимание, – завершил разговор Белиал.

После этого памятного разговора и завертелась подготовка операции, в которой первый шаг с младенцем был поручен Асмодею, с чем он прекрасно и справился.

Параллельно этому были подготовлены и отправлены на Землю для сбора данных команды из числа доверенных Баалу ангелов. Контакты с небесными ангелами (опять же, в силу секретности дела и нежелательности увеличивать круг посвященных) предполагалось поручить тому же Асмодею, который был всегда не прочь поработать на таком участке соблазнительной деятельности.

– А вот и ты, – заметив Асмодея и, развернувшись к двери, сказал Баал. – А я, видишь ли, предаюсь философствованиям, глядя на эту картину, – повернувшись к висящей на стене, позади от его кресла, картине и, сложив руки на груди, произнёс Баал.

– Что-то новое для себя увидели? – усмехнулся, подойдя к нему, Асмодей.

– А знаешь – да! И я считаю, что это вполне закономерно. Все течёт, всё меняется, и вместе с этим – и мы, которые, хоть и не столь сильно подвержены изменениям, но, тем не

менее, моё сегодняшнее видение – совсем не то, что вчера. Так что, если картины только физически, ветшая от времени, видоизменяются, то для меня – не это главное, главнее – когда я сам (или моя субъективность наблюдения) внутренне не изменяется и уже видит в ней совсем другое, – изредка переводя свой взгляд на Асмодея, взирающего на картину, выразился Баал.

– Всё относительно, так бы выразился этот человек с портрета, – с иронизировал Асмодей, который, по мнению Баала, не слишком уважителен к серьезности, что, впрочем, не мешало Баалу относиться к тому серьезно.

– Хм... А теперь скажи мне, почему этот портрет (подумать только, какого-то человека?!) висит здесь на самом видном месте, в кабинете начальника тайной канцелярии. А? – снизу взглядом упёрся в подбородок Асмодею более низкий Баал.

– Да кто вас знает? Может это у вас прихоть такая, или же повесили, чтобы смущать посетителей? – попытался сохранить расстояние между собой и Баалом Асмодей, пятясь назад.

– Я тебе скажу вот что: на моём месте и в моём положении, надо иметь не просто верования, а убежденность в своей уверенности, что не одно и то же. И как говорил один человек: «Убеждение – это разумная значимость суждения, имеющее объективное, достаточное основание для признания его истинности...», – чем я и руководствуюсь в своих действиях.

Так что я тебе дам один совет, каким бы он странным не звучал из моих уст: иногда очень полезно прислушаться к человеку, – приблизившись к уху собеседника, прошептал Баал.

На что Асмодей немного поморщился, но, тем не менее, не изменил своей привычке иронизировать:

– А не боитесь обвинений в пристрастии?

– Ты же знаешь, где все те обвинители, – лучезарно улыбнулся Баал, отчего на мгновение даже затмил горящий свет лампы, затем отошёл от Асмодее и, вернувшись к картине, продолжил распространять свою мысль. – Это языческое изображение Эйнштейна, как нельзя лучше отражает отношение человека к миру, что и страшит многих там, наверху. Тебе не кажется странным противопоставление языческого, то есть народного, теологическим воззрениям, которые, по сути, и должны служить человечеству, но в реальности противопоставили себя ему, считая народность недожитком развития разума. Выходит, что там, где должна главенствовать вера, место занял разумный научный подход, который и близко не подпускает к себе всякие языческие верования, считая их не просто недоразвитием, а в некотором роде – атавизмом.

– Так я понимаю, это нам на руку, – ответил Асмодей.

– Да ты меня снова не понял, – дёрнулся Баал, недовольный недогадливостью Асмодее. – Получается, что мы – противники человека – на самом деле оказываемся ближе к нему, чем радеющие о его благе небеса.

– Ах, вон оно что... – сделал глубокомысленный вид и придерживая свой подбородок, сказал Асмодей, потом выдержал паузу и спросил. – И что теперь?

– Что, что?! Делать дело! – буркнул Баал, но потом немного успокоился и продолжил. – А ты знаешь, что портрет Эйнштейна, правда, в другом ракурсе, висит там, наверху, в небесной канцелярии? – прищурившись, посмотрел Баал на Асмодея.

– Неужели? – не моргнув глазом, соврал тот.

«Ну, конечно, не знает!», – про себя хмыкнул Баал, но продолжил вслух:

– И ведь же, паразиты, больше интересуются и знают о том, как там за кордоном течёт жизнь, чем волнуются над тем, что творится здесь, под боком. Что всё же, наверное, заложено в них небесной природой, сделал их близорукими к своим ближним, но – дальнзоркими в видении соседских успехов, а в особенности – успехов. И тебя разве это не удивляет? – спросил Баал Асмодея.

– Последний, кто смог меня удивить, был Господь, представивший нам человека, после чего я – как и многие из нас – уже ничему не удивляюсь, предоставив эту прерогативу человеку, – стиснув зубы, проговорил Асмодей, замолчал, а затем, как ни в чём небывало, улыбнулся и заявил. – Зато теперь у нас появилась возможность, ох, как удивить этот объект нашего первородного удивления. Ха-ха! – разразился смехом он.

– Ладно, я тебя понял. Но я имел в виду совершенно другое. Этот портрет наши отделения используют, как символ отношения к представителям нового создания творца – людям, которое и может быть выражено только самой личностью человека. В качестве которого, нами и был выбран этот представитель рода людского. И если для нас он олицетворяет наше уверование в то, что всё в мире относительно – небеса имеют на этот счёт иную точку зрения. Они там, наверху, заявляют, что мы опять всё недопоняли и в результате этого – переврали, придав ему облегчённый простонародный смысл, когда как Эйнштейн предложил совсем другое: скорость света всегда постоянна, вне зависимости от того, в какой системе координат она будет измеряться. Из чего они (как всегда!) сделали соответствующие их воззрениям выводы, представив свою концепцию постоянства божественного света, который не зависит от вашего местоположения, то есть: будь ты хоть на небесах, или хоть даже в самом дальнем уголке ада – божественный свет будет тебя всё так же освещать, стоит только тебе обратиться за ним, – выдохнул раскрасневшийся Баал.

– Я всегда знал, что наука служит во благо творца, – задумчиво ответил Асмодей. – И что они, тем самым, решили отблагодарить этого ученого. – Указывая на картину, произнёс он.

– Угу, – кивнул Баал.

– А сам-то он, где наслаждается божественным светом? –

спросил Асмодей.

– А разве это имеет значение, если он постоянен в любой точке твоего нахождения, – ухмыльнулся Баал, вслед которому разразился смехом и Асмодей. – Ему представилась практическая возможность изучить постоянство божественного света в разных системах координат, относительность применения которых, будет зависеть от постоянства нашего отношения к нему, которое, в свою очередь, тоже относительно, – продолжал посмеиваться Баал.

Видя подходящее настроение Баала, Асмодей перевёл разговор на другую тему.

– Кстати, раз на то пошло, я хотел поговорить о моём контакте с Серафимы.

– Ну, и что ты хотел? – стал серьезным Баал.

– Хочу, для налаживания с ней доверительных отношений, сводить её на экскурсию по нашим объектам. Ну, и не помешал бы пропуск для этого, – сообщил Баалу в повисшей тишине Асмодей.

– Знаю я эти твои доверительные отношения... – забулькал смех в горле Баала, бросающего взгляд на этого неутомимого в своей области разнотношений Асмодеея. – Ты же знаешь, что я для тебя на многое готов. Так что будет тебе пропуск. Вот только когда ты с ней соберешься экскурсировать – дай мне знать, а то мало ли что. Ты же знаешь: у нас тут всякое бывает, – причмокнул губами Баал.

– Без проблем, – ответил Асмодей, ожидая наконец-то

услышать то, для чего он был вызван сюда.

Но Баал, казалось, забыл обо всём и, уточнив у него, когда он предположительно собирается привести Серафимы, распрощался с ним.

Закрыв дверь за Асмодеем, Баал ещё раз бросил взгляд на портрет Эйнштейна, подмигнул тому и удовлетворенный этим завалился в кресло, после чего пообуревал немного мыслями, которые вновь вызвали в нём вспышку ярости, что не замедлило выразиться в виде восклицательного монолога:

– А ведь был шанс на прощение, если бы не этот выскочка – Сатана – со своим планом «Древо». Видите ли, тем самым он сведёт на нет всю человеческую затею. И что из этого получилось? Кроме того, что процесс войны стал необратим, и партия радикалов во главе с Сатаной, отодвинув умеренных, сумела занять все важнейшие посты в системе управления, взяв курс на безсантиментное противостояние с небесами. Он, видите ли, думал... Чем? Своей козьей головой? Козлина, – в сердцах завершил свой блок умопомрачения ударом кулака об стол Баал, но затем, осмотрев свой кабинет, продолжил начатое. – Или же всё-таки Люцифер от отчаяния своего положения, решил больше не полагаться на здравомыслие и передал все бразды правления этим выворотням, чьи истинные властные желания ни от кого уже теперь не скрыть...

Но Баал не смог закончить свои размышления – к нему на доклад явился его личный поверенный.

– С мест сообщают... – начал свой доклад поверенный
Агн.

Глава 6

Местечковость встреч с его определениями

– Ну, ты, Мила, сегодня и дала. Этот хлюпик прямо так и потерялся, хватая воздух своими жабрами, – разбавила разговор своими ощущениями от сегодняшнего рабочего дня Евгеша – подруга Милы.

– А нехер быть таким настойчивым. Когда от них ждёшь этого физико-математического результата, то тут уж от них не дождёшься, ни физики увеличения, ни хотя бы единичного математического действия. Они вдруг, все подчистую оказываются физиками-теоретиками, – следует ответ Милы, раскуривающую сигарету после окончания рабочего дня, в компании вышедших на улицу сотрудников банка.

Казалось бы, длительная рабочая смена окончена, и уже необязательно задерживаться здесь, у главного выхода, переминая события сегодняшнего дня, тем более, об этом уже не раз было говорено и переговорено в курилках на перерывах, но ведь одно дело обо всём поговорить во время рабочей смены и совсем – другое: высказать свою точку зрения без давления на вас этих стен рабочего помещения, и сдавливающего вас и ваше волеизъявление, форменного костюма.

И вот сейчас, вы, выйдя со смены на улицу, вдохнули этот

запах свободы, после чего разве возможно вас удержать? Тем более, только что познавшего этот пьянящий аромат безнадзорности, которому особую остроту придаёт близость вашей работы, о которой вы, в данный момент, можете говорить почти что угодно, только, правда, в пределах дозволенности, не только ваших умственных ограничений, степени крепости ушей и сознания ваших слушателей, но и без вероятностных осложнений на сказанное вами.

И хотя многих дома трепетно ожидали домашние любимцы, любовники, а может, и вовсе узаконенные половины, среди которых через раз, вполне вероятно, попадались и свои тираны, что только в данном случае имело своё оправдание, хотя и таившее в себе опасность для оправдываемого, но так или иначе, сотрудницы и сотрудники смены, уже как заведено, не сразу устремлялись к себе домой, а стояли тут, на углу у главного входа в банк, и делились не только своими впечатлениями от сегодняшнего дня, но и огоньком, а иногда даже и сигаретками.

Что касается Ильи, то он, как не большой любитель подобных собраний (да и к тому же, в силу отсутствия между ними хотя бы той дымовой общности, которая могла поспособствовать на время его сплочению с коллективом), если и присоединялся к ним, то это было очень редко и только в крайних случаях.

На этот раз Илье всё-таки пришлось присоединиться к коллективу, так как его друг Ден, с которым они вместе воз-

вращались домой, вдруг ощутил в себе огромную потребность покурить вместе с находящейся здесь новенькой – весьма интересной особой, к которой он решил проложить свой путь своей задымленностью, способствующей взаимопониманию.

Илье же ничего не оставалось делать, как, стоя в сторонке, ожидать, когда Ден, наконец-то, накурится и наговорится. Чего от этого можно было ожидать – трудно сказать, тем более, что слова из Дена льются потоком, а его сигарета при этом (отсырев от влажности сырых слов, как часто в таких случаях бывает от несовершенства первошагового знакомства) и не думает раскуриваться.

С другой стороны, присутствие Лики смягчает общий настрой Ильи, который всегда не прочь полюбоваться ею, с таким недостижимым для простого смертного видом выпускающей дым из себя, которым она, кажется, хочет не только обдать окружающих, но даже создается такое впечатление, а её презрительный взгляд выдает в ней это подсознательное желание, испепелить всех этих мерзотных нищевродов (волею не понятно кого, оказавшихся рядом с ней) исходящим из неё драконьим огнём, который найдёт для каждого свои заслуги.

– А ты, Лика, что думаешь? – обращается к ней такая непосредственная для себя и для всех Евгеша, всегда находящаяся в забывчивости того, что не все (в силу их высоко поднятой планки со своими наличными средствами) имеют

желание общаться с такими, как она.

Но пока Лика находится в данном кругу – делать нечего и надо что-то отвечать. Но тут вдруг, завернувший в их сторону автомобиль представительного класса, осветив их всех, на мгновение заставил их затихнуть и перевести свой взгляд на этот (нет слов!) предмет роскоши.

– И кто бы это мог быть? – последовал так себе любопытный вопрос в никуда, всегда находящей, что спросить, Евгёши.

– Ну, если это не за Леонидом Леонтьевичем – остается только один вариант, – многозначительно говорит Мила и, дождавшись всеобщего внимания, посмотрев на Илью, пускает вверх струю дыма и заявляет. – Однозначно, за нашим Ильей.

На что к его, а главное, к удивлению Милы, все присутствующие почему-то не торопятся, перебивая друг друга, рассыпаться шутками, а с какой-то выжидательной серьезностью синхронно поворачивают свои головы к Илье и чего-то ждут.

Впрочем, это «чего-то», не заставляет себя долго ждать, и не успели все эти любопытные лица даже закрепить свой взгляд на Илье, как улицу огласил сигнал клаксона, исходящий из этого автомобиля, что заставило вздрогнуть не только самого Илью, но и нескольких особо чувствительных особ женского пола, вызвав у них послабление ног.

– А я, что говорила? – как заведённая вслед за сигналом

комментирует Мила.

Но Илья, как и все остальные, остаётся в своём прежнем положении и не собирается никуда двигаться, правда, при этом пытаясь взглянуть, кто же там сидит внутри автомобиля. Что с этого, хоть и небольшого расстояния, совершенно невозможно было сделать, из-за того, что уже начало смеркаться, да и авто своими тонированными стеклами прикрывало все свои внутренние тайны.

Дальше следует повторный сигнал клаксона, который уже явно говорит, что он относится к кому-то из стоящих тут, и на это вновь следует обращение Милы к Илье:

– Ну что стоишь, как вкопанный. Иди уже.

Илья же, до этого повторного сигнала клаксона находился в полной уверенности, что Мила его подначивает, и поэтому даже и не думал о том, чтобы как-то на это повестись, ведь у него (как он знал о себе, что не подлежит его же сомнению) нет знакомых, разъезжающих на таких автомобилях.

Но когда машина от сигнализась повторно, а тут ещё опять Мила влезла, то Илья, сам не понимая почему, сорвался с места и направился к автомобилю, стараясь по мере приближения рассмотреть: кто же всё-таки там находился внутри.

Что ж, вид водителя ничего обнадеживающего ему не принёс, и Илья, подойдя практически к бамперу автомобиля и, находясь в смятении по поводу дальнейших своих действий, остановился, как вдруг водитель автомобиля ему кивнул, по-

сле чего Илья понял: это сигналили ему, что всё равно не отменяло его озадаченности, которую пришлось решать, проследовав дальше. Нет, не до первых дверей машины, которые удалось только потрогать за ручки, а лишь открыв задние двери.

– Ну, чего вылупился, не ожидал меня увидеть? – донёсся до Ильи голос из салона.

Но Илья хоть и не ожидал увидеть здесь ту хамскую морду из банка (впрочем, надо быть честным и признать, что он вообще не знал, кого и чего ожидать), но он, почему-то, не слишком-то и удивился, застав её здесь.

Илья находился в некотором непонимании, как себя дальше вести, тем более, по первым словам, тот и не собирался сбавлять обороты.

– Не бойсь, садись. Не укушу. Мы же не вампиры, – обратился этот субъект к водителю и заржал. – Ха-ха!

Что, в общем-то, для этого господина выглядело в некотором роде не просто мальчишеством, а куда менее значительным сравнением.

Это пустобайство незнакомца немного успокоило Илью, и он, посмотрев в сторону стоящих на углу улицы, сгрудившихся в кучу и с любопытством взирающих на него своих сослуживцев, зачем-то выдохнул и забрался внутрь автомобиля.

Подождав, пока Илья должным образом устроится на месте, незнакомец, с несмываемой с его лица улыбкой, после

внимательного изучения нового пассажира (для чего и был включен свет в салоне), удовлетворившись видом ещё серьёзного и накупившегося лица Ильи, наконец, завёл разговор.

– Знаешь, а ты мне сразу понравился. Я в тебе сразу увидел потенциал, а когда ты мне позвонил и должным образом ответил – я уже окончательно удостоверился в том, что не ошибся.

Незнакомец остановился в ожидании реакции на его слова, но Илья, хоть и не взял с собой воды, но его ответ в виде молчания, давал повод к подозрению его в том, что он каким-то образом умудрился набрать в рот воды, которая и не давала ему должным образом ответить. К тому же изучение Ильей затылка водителя, также отвлекало его и не давало возможности сконцентрироваться на ответе. Хотя, возможно, всё дело было в банальном нежелании отвечать, пока не станет ясно, что, собственно, от него хотят не только услышать, но и скорее всего – поиметь.

– Слушай, а как тебя можно было по-другому растормозить, – видя несговорчивость Ильи (через нежелание говорить), этот тип сопроводил свои слова хлопком по плечу Ильи, чем вывел того из равновесия, заставил проглотить воду и, практически, привёл в готовность ответить. – Чего сопли-то жевать, а так, плюнув в лицо, я сразу достиг нужного результата, выведя тебя из привычного сонного состояния, подвинул на действия, – заявил с напором незнакомец.

– Что ж, соглашусь. Вот только мне интересно, чем обусловлен ваш такой интерес к моей никчемной персоне. И во-вторых, а мне что за дело до ваших интересов? – повернувшись лицом к незнакомцу, спросил того Илья.

– А я скажу так. Увидел, что у тебя на лице написано и, сопоставив варианты, которые варьировались от маловероятности до безнадежности, решил предоставить тебе шанс. Как тебе такой вариант объяснений? – ответил незнакомец.

– Маловероятно, – последовал ответ Ильи.

– Ха-ха-ха! – залился смехом этот тип, затем достал сигарету и, раскурив её, ещё раз внимательно посмотрел на Илью и сказал. – Я бы не был столь категоричным. Думаешь, что человеку шанс предоставляется только в кино и сказках?

– Ах, вон оно что... – теперь уже хлопнув себя рукой по колену, Илья пришёл в какое-то состояние безрассудности и заявил. – Я хоть и не знаю, о чём вы ведёте речь, но из всего сказанного можно сделать вывод – вы решили примерить на себя мантию... Как его там называют, того, кто даёт человеку шанс? – сморщил лоб Илья, делая вид, что размышляет над этим весьма важным вопросом.

Но незнакомец не стал дожидаться, до чего там додумается Илья и вставил своё.

– Да, пока подумай, а я тебе дам небольшой расклад, так сказать: «Ab ovo usque ad male (лат. от яйца до яблок)», который мне, стороннему наблюдателю, с первого взгляда нарисовался, стоило мне, зайдя в банк, взглянуть на тебя. Я,

конечно же мог тебе, добавив психологической красочности, обрисовать всю очевидность твоего незавидного положения: оно не просто никчемно для той, о ком ты так немало думаешь, а оно – пустое место для неё, и как бы ты не старался – ничего с этим поделать не можешь, несмотря даже на некоторую к тебе симпатию с её стороны. Что, опять же, вносит практический характер в ваши отношения. Знаешь, когда дело касается такой едва уловимой субстанции, как чувства, то для лучшего понимания того, что в результате тебя может ждать, я всегда прибегаю к точным наукам, которые в подавляющем большинстве случаев дают точный ответ. И что бы не говорили эти романтики и мечтатели против моего математического подхода к данной проблеме, я скажу одно: они все до единого, всего лишь любители, и поэтому дальше носа своего партнёра не видят, а когда приходит время и любовная дымка перед ними рассеивается – тут-то и вступает в свои права своя любовная арифметика. Вот смотри. Твоя... Как её там зовут? – спросил незнакомец Илью.

– Лика, – ответил Илья.

– Так вот, эта Лика, которая с виду хоть и обладает определенными внешними данными, или другими словами: иной, более сбалансированной физикой тела (что перед среднестатистической условной женской особью является преимуществом), но вместе с этим, по всей вероятности, имеет и повышенные претензии к окружающему её миру. Да уж, подумать только, они хотят не согласовывать, а просто

брать и требовать, – перевёл свой взгляд незнакомец на маячившую в окне Лику, ухмыльнулся и, вернувшись обратно к Илье, продолжил разговор. – Хотя, я её не осуждаю, раз «потребство потребно». В общем-то, так называемая формула счастья, не слишком-то сложна и сводится к простому правилу: каждому – по его потребностям, находящимся в зависимости от данностей, как предлагающихся, так и предлагаемых, от совокупности которых и зависит этот конечный результат, ну а дальше... Свои варианты развития счастья. Что же касается Лики, то ей, как одной из многих, заурядных (а других в материальном мире и не бывает) погонщиц за счастьем, требуется стандартный набор для этого, в независимости от количественной составляющей счастливого продуктового набора. Так что, любые их запросы не требуют сложных вычислений, и как правило, с этим справляется простая арифметика. Когда же их запросы (которые по мере наполняемости их счастливой корзины с пока что арифметической прогрессией) начинают расти (которая, опять же, по мере удовлетворения спроса разжигает в них неудовлетворенность) – для этого случая уже приходится прибегать к высшей математике с её логарифмами и интегралами. Ну, а когда уже предел желаний начинает стремиться к бесконечности – тогда-то только и остаётся, что брать на вооружение философию, и уже с её позиций категоричности абстрагироваться от этого случая.

Незнакомец докурил сигарету, занял новое удобное, без

сигаретное положение тела и, получив положительный ответ Ильи на то, что он ещё ему не надоел (что, опять же, можно было понимать двояко, но незнакомец всё же предпочитал руководствоваться своими соображениями), продолжил свой монолог:

– Лица, – произнёс это имя незнакомец и, создав её витающий перед глазами Ильи образ, задумался. – А ведь первое и её самое нестерпимо насущное желание – любым способом убраться с этого места обслуживающего персонала, которое она, всего вероятней, ненавидит больше всего на свете. Ну, а что – ты? Разве в твоих возможностях изменить такое положение вещей? И разве она (даже предположим, питающая к тебе нечто особенное) сможет смириться с таким положением вещей, и не станет ли она, вслед за своим местом, ненавидеть и тебя, привязавшего её крепко-накрепко к нему?

– Дайте только время, – нарушил устоявшийся ход слов незнакомца Илья.

– И что? – засмеялся незнакомец.

– Там и посмотрим, – буркнул Илья.

– На крах твоих иллюзий, – продолжает смеяться незнакомец, затем успокаивается и, собравшись, с серьезным видом говорит. – Ну ты же сам видел, какой эффект произвело моё появление в банке! И после этого ты хочешь сказать, что она готова подождать, пока её цветущая временность увянет и, тем самым – обесценится? Нет уж! И если кто-то и даст тебе время – только не она... К слову сказать: не имеющая на

это права и находящаяся под полным внешним управлением природы, – с видимым довольством замолчал незнакомец.

Илье же в этом момент вдруг захотелось со всех сил так врезать этому правдолюбу, чтобы его довольная физиономия только уже после посещения костоправа сумела раскрыть челюсть. Но Илья, удовлетворившись представленной им картинкой переполненного ужаса лица этого незнакомца, пытающегося увернуться от его ударов между водительским креслом и окном, заявил.

– Я понимаю так: вы мне хотите дать некую возможность (называемую вами шансом), чтобы я смог изменить существующий порядок дел.

– В точку! – улыбнулся в ответ незнакомец.

– Ну и кого я должен убить? – следует ответ Ильи, после чего незнакомец и не удержавшийся водитель, закатываются от смеха.

– Ох, рассмешил! – спустя время отдышавшись, говорит незнакомец, затем поправляет свой костюм и говорит. – Ну до чего вы, человеки, так предсказуемы. Путь навверх вами видится только на плечах ближнего своего. Хотя, знаешь... В твоих словах есть определённая логика. Ведь для того чтобы кардинально изменить свою жизнь – необходимо умертвить в себе то, что тебя тянет назад, так как для новой жизни всегда приходится убивать своё старое «Я». Ну, а насчёт того, что я имел в виду... Так в этом нет ничего подобного,

связанного с таким физическим процессом, который лучше предоставить природному ходу вещей. Знаешь, не люблю я искусственность, я своего рода – натуралист, со своим природным отношением к миру.

– Ну тогда, я и не знаю, чем таким я могу быть интересен вам, – последовал ответ Ильи.

– Да, собственно, ничем, кроме разве своего факта существования и присущей мне ностальгии. Ведь мне когда-то, в своё молодое-зелёное время, тоже дали возможность уверовать в себя, после чего всё встало на свои места, и никто теперь не посмеет мне указывать и заявлять, что я занимаю не своё место, – зловеще закончил предложение незнакомец, хрустнул костяшками пальцев рук и, вернув улыбку на лицо, продолжил. – Что ходить вокруг да около – уже голова начала кружиться. Времени я тебе точно дать не смогу, разве что только подумать немного, но возможность использовать его согласно своему желанию, а нежеланию кого-либо другого – могу предложить.

– И что это? Сделка с дьяволом? – спрашивает Илья, чем вызывает повторный смех незнакомца, который, впрочем, не слишком-то отдаёт весельем. – Опять с дьяволом, – морщится незнакомец. – А может быть – с Сатаной?

– А какая разница, – удивляется Илья не тому, что тот говорит, а вообще, тому, что говорит об этом.

– Ну, неважно, раз не знаешь, – ухмыляется незнакомец, поддвигается ближе к Илье и говорит. – Хочу тебе для на-

чала предложить место моего помощника. . .

А Илья, который и со знакомыми предпочитал сохранять дистанцию, а тут ограниченность пространства и этот пододвинувшийся к нему незнакомец совершенно не способствует комфортности сидения. К тому же Илье вдруг вспомнилось это переихихивание незнакомца и водителя на счёт их не вампиризма, которое куда менее страшнее другого предположения, связанного не только с укусами, но и поцелуями однополого лица.

– Что вы имеете в виду? – схватившись за ручку двери, уже приготовился бежать Илья.

– Политическая стезя. Вот что способно в максимально короткое время изменить твоё «Я», – заявил незнакомец, подождав реакцию на свои слова Ильи, который только после этих его слов несколько расслабился, а незнакомец, видимо, несколько иначе понял его реакцию, вновь отодвинулся назад.

– А поточнее нельзя? – ответил Илья.

– Куда уж точней. Предлагаю тебе место моего помощника депутата, – сказал незнакомец.

Тут Илья окончательно умиротворился, и хотя это предложение было несколько необычно (как всеми своими ситуационными деталями, так и участвующими лицами), но как только оно получило своё словесное оформление, так называемую свою конкретность – в тот же миг вся туманность развеялась, и Илья теперь уже мог более осознанно вести

диалог.

– Так вы же не знаете моих политических взглядов, – с высоты своего нового места заявил Илья.

От такой наивности оппонента незнакомец расплылся в улыбке, но ответил.

– Ты же знаешь: истина – субъективна, субъективность в свою очередь – не объективна... И тогда, какое значение имеет всё остальное?

– Софистика, – пробубнил Илья.

– В переводе – мудрость, которую испоганили люди своей субъективностью, – следует ответ незнакомца.

– Ладно. Ну и что от меня требуется? – спрашивает Илья.

– Для начала – проявить себя, – краток незнакомец.

– Это значит – замараться? – столь же лаконичен Илья, чем вызывает новый приступ умиления у незнакомца и его комментарий.

– Ну, власть – это своего рода масло на бутерброде, придающее ему особую ценность, а правило бутерброда всем известно, так что, замараться – только всего лишь потенциальная опасность, ожидающая падшего.

– А как насчёт поговорки: не уронишь – не поешь, которая, мне кажется, более подходит к случаю? – ответил Илья.

– Ну, к случаю – возможно, но мы не собираемся работать от случая к случаю, так что оставим эти потенциальные возможности для непостоянных участников политического бомонда, – сказал незнакомец.

– Ну, хорошо. Так на чём сойдёмся? – спросил Илья.

– На том, чтобы ты подумал, а завтра дал мне свой ответ, – ответил незнакомец.

– На что? – удивлённо спросил Илья.

– И на это тоже, – ответил незнакомец, затем уткнулся в кресло и погасил свет в салоне, после чего водитель повернулся и, глядя на Илью, дал тому понять, что разговор закончен.

Илья, несколько озадаченный, не утруждая никого напоминанием, открывает дверь и выходит на улицу, чуть не задохнувшись, ставшим для Ильи непривычно свежим воздухом.

Автомобиль же, как только Илья закрывает дверь, срывается с места, но прежде чем унести в какую-то только водителю ведомую даль, указывает Илье на его оплошность при закрытии дверей, срывая с него ту часть одежды, которая по его невнимательности оказалась зажатой дверью. Ну, а как говорят: где тонко там и рвётся, а для автомобиля – вообще без разницы. Так что он рванул не только с места, но и вместе с этим куртку Ильи, которая (благодаря швеям из подпольной фабрики по изготовлению современных брендов) не могла похвастаться крепостью подкладки (чем, в данном случае, возможно, спасла жизнь одному из носителей этого бренда, не попавшего под колеса машины, а всего лишь оказавшимся сбитым с ног) и оказалась разорванной по самому тонкому месту, по его карману.

Илья посмотрел вслед автомобилю, затем перевёл свой взгляд на то место, где до момента его погружения в салон автомобиля находились его курящие коллеги по работе, которые, всё-таки, не смотря на мотивировавшее их любопытство, не выдержали и покинули эту наблюдательную площадку. Илье же сейчас было как-то не до них, и он безо всяких эмоций по этому поводу, поднялся с места и, отряхнувшись, направился было домой. Но вынырнувший из какого-то секретного проулка Ден, сумел-таки доказать небесам, что не зря любопытство столь опасно для них, раз не знает устали и готово ради самого себя далеко пойти, а может, даже никуда не пойти, а подождать.

– Ты чего такой всполошенный? – видимо, пропустив сцену с падением, спросил Ден Илью.

– А ты чего домой не пошёл? – нежелая распространяться, делает отвлекающий манёвр Илья.

– Как же я могу пойти без тебя? – разводит обиженно руки Ден.

– Что, отшила? – ухмыляется Илья.

А Ден после таких слов создаёт образ общего непонимания, но со своим скрытым подтекстом, в котором говорилось: если бы он только понял, о чём ведёт речь Илья, а если бы понял, то это даже прямо-таки обидно слышать такое в свой адрес. И только славный характер Дена не позволяет ему злиться на всякие подобные подозрения, и поэтому он прощает Илью и откровенно ему по секрету скажет:

– Никуда она от меня не денется.

– Ладно, пошли, – сказал Илья, и они вывернули в направлении остановки общественного транспорта, который с периодичностью их смен, спустя несколько маршрутных остановок, желал всего доброго при расставании Дена и Ильи.

– Слушай, а когда на твоей будем ездить на работу? – спросил Ден Илью, поглядывая вдаль в ожидании автобуса.

– Со страховкой надо решить вопрос, – читая объявления на стенде, ответил ему Илья.

– Не понял, так ты же вчера ходил, и что, не застраховался? – спросил удивлённый Ден.

– Нет, – отрезал Илья.

– Наверное, страховой агент – больно красивая, и ты решил всё обдумать и ещё разок заглянуть к ней, – засмеялся Ден.

А слова Дена заставили Илью вспомнить того страхового агента, с которым ему пришлось иметь, скорее, даже не дело, а беседу, заставившую его почувствовать себя беспомощным и никчемным винтиком в этой огромной системе взаимоотношений, в которой его важнейшую роль связующего элемента, постоянно подчёркивают на каждом углу, но при этом, когда доходит до дела, то оказывается – это всего лишь смазка для его использования этой системой.

Так Илья, совсем недавно получивший права и даже умудрившийся с помощью выданного ему корпоративного кредита в банке приобрести себе автомобиль, выполнил все около

действия, предваряющие его вождение, за исключением разве что только приобретения страховки, за которой он вчера и заглянул в один из офисов, специализирующихся на оказании подобного вида услуг.

А когда дело касается сферы услуг – тут нужно не только держать ухо востро, но и предпочтительно быть подготовленным к ним, для того, чтобы ваши ожидания неожиданно не разбились о реалии предоставленных услуг, которые так и норовят быть навязанными, что в особенности отражается на рынке этих страховых услуг, тем самым сведя вас сразу на больничную койку, а в лучшем случае, чтобы у вас был небольшой шанс хотя бы ограничиться набитыми шишками на лбу.

Но Илья – пока только лишь новичок и он, зайдя в офис страховой компании, разве может себя вот так сразу ощущать страховым объектом, по которому свой, с обязательным дополнительным жизни страхованием, полис плачет.

Ну, а что Илья? Да и что любой новичок сможет сделать, когда ещё никто не застрахован от нечистоплотности и попадания на крючок к подобным компаниям, в особенности, если дело касается начала начал страхования.

А ведь для того чтобы заниматься этим видом услуг, наверное, нужно не просто обладать знаниями ведения этого бизнеса и знать все тонкости, которые, так и норовят оборвать чью-то жизнь или унести её с моста прямо об бетонные плиты вместе с застрахованной машиной, тем самым на-

нося вам ущерб, а ко всему прочему требуется и учитывать все нюансы, из которых состоит эта застрахованная имущественная жизнь, в которой для страховой компании человек всего лишь выступает в качестве дорогого приобретателя полиса.

А ведь попробуй учти все эти страховые случаи, каждый из которых совершенно не похож на другой, так что, вполне вероятно, одними знаниями жизни здесь не обойтись, и все те лица, которые, находясь в тени, управляют всеми этими страховыми компаниями и продвигают связанные с ними законы, если и не находятся на короткой ноге с самим дьяволом, то он точно имеет свою долю в их бизнесе, и время от времени посылает для консультаций своих агентов.

Оттого, наверное, стоящая атмосфера во всех этих страховых офисах так и тяжела, она давит на клиента своей безнадёжностью, от которой только на время и только немалой ценой за полис, можно отсрочить свой приговор.

Что же касается приветствующего Илью страхового агента в офисе – для каждого посетителя (вне зависимости в какой офис он обратился) первое встречающее его лицо в этом офисе и становится лицом самой компании. Но, то ли красоток всех расхватали более престижные фирмы, то ли уровень зарплаты страхового агента соответствовал находению именно такого лица, а скорее всего – в свете проводимой политики, сама компания посчитала, что на всех, со своими вкусами не угодишь, следовательно – не застрахуешься

(да к тому же аналитическая служба говорила, что когда дело касается такого деликатного дела, как отдача платы за иллюзию – клиент вдруг становится невосприимчивым ко всему, что не касается его скидок на полис), то нет и смысла тратиться на экстерьер.

И хотя Илья пришёл сюда не пить с её лица воду (что было несколько проблематично), но, тем не менее, раскрывшая ему объятия страхового случая агентесса, была вполне себе ничего.

– Мария, – улыбаясь, представилась она, несмотря на прикреплённый к груди бейджик. – Ай, не люблю эти писанные формальности, когда нужно озвучивать себя, – добавила она, заметив, что Илья во время её представления смотрит на этот бейджик.

– И сразу раскрыть, что под именем прячется, – ответил, улыбнувшись в ответ Илья, для которого подобное обхождение было вполне себе по душе.

– Ну, что-то в этом роде, – ответила она и, забрав приготовленные Ильей документы, принялась подводить под них свой страховой приговор. – Ну вот, – спустя несколько минут, пощёлкав по клавиатуре, озвучила она себя, и начала, как заведённая перечислять свои результативные выкладки, по мере роста которых, Илью начало накрывать нехорошее предчувствие. – Ну и в пакет включено страхование жизни. Знаете, без него сейчас нет доступных пакетов для страхования.

Не успел Илья вдохнуть или выдохнуть (что, впрочем, не важно, это так и осталось вне досягаемости его разума), как до него донеслась цифра стоимости этого страхового пакета, отчего Илья на мгновение, можно сказать, потерял нить сознания.

Кто знает, может это несмолкаемое, монотонное и весьма быстрое озвучивание всех этих пунктов и подпунктов страховым агентом – специальная мантра, которая должна ввести в транс клиента, после чего тот, теряя самообладание, гипнотизируемый агентом, безвольно подписывает всё, что ему дают?

И только спустя какое-то время, оказавшись на улице, этот новый адепт «ОСАГО» или просто застрахованный, приходит в себя и уже от бессилия плюет (правда, промахивается) на этот договор с дьяволом, после чего бережно его уложив, отправляется это дело отметить.

– А почему так дорого? – приходит в себя Илья, чем немного выводит из себя Марию, которая для него уже не кажется столь привлекательной, со своими рыжими кудряшками и вздёрнутым носиком. И теперь этот вздёрнутый нос Марии для Ильи существует, как физиогномическая деталь, говорящая о том, что она слишком его задирает. Ну, а цвет волос с их рыжим отливом – однозначно только можно с ведьмой связать, которых не всех ещё пережгли, и те, кто смог, все сюда на восток перебрались.

Теперь-то всё ясно, всё становится на свои места: какой

смысл нанимать красавицу, когда дьявольщина, витающая тут, искажает всё вокруг, и какой бы ты не была красавицей – видеть в тебе будут ужасную ведьму.

– Ну... У вас и стаж вождения очень маленький... – вытягивает слова Мария, как бы удивляясь такой непонятливости этого клиента.

– Ну и что с того? – недоуменно спрашивает Илья.

– Вот, поэтому на вас и насчитывается повышенный коэффициент, – патокой льёт слова агент.

– Да уж, интересные у вас методы распределения этих коэффициентов, которые, наверное, были придуманы для того, чтобы более справедливо распределить нагрузку на потребителя, – ответил Илья.

– А я что могу поделаться, раз таковы правила компании, – хлопает глазками рядовая на фронте соприкосновения страховщика и страхуемого клиента.

– И поэтому же, мне предоставляется ещё, как далеко не бесплатный бонус, страховка жизни, – не слушая доводы агента, циничен Илья.

– Ну вот, как всегда. В начале все такие вежливые, а как коснётся дела – все становятся какими-то нервными, – вдруг сорвалась Мария, что редко бывает с той стороны стола, что объясняется малой опытностью страхового агента, только недавно, занявшей это место, освободившееся в связи с большой текучкой кадров, которые так и не сумели застраховать себя от ежедневных стрессов.

– Хорошо, я подумаю, – выходя из кабинета страховой компании, сказал Илья, давая себе зарок: ни ногой сюда.

– Ну и что, без страховки будешь ездить, – не умолкает Ден.

– Понятно, почему новенькая тебя отшивает, – парировал Илья, на что Ден только махнул рукой и, заметив что-то отдалённо похожее на автобус, устремил свой взгляд на его подход.

– А может, просто день выдался неудачным? – вспоминая тот день, размышлял Илья. – Ведь можно было сходить и в другую страховую компанию, а там, глядишь – другие условия, и вопрос со страховкой можно было бы решить. Хотя, кого я обманываю...

После того, как Илья купил билет у кондуктора, он, размышляя, вернулся к своему занятию, требующего от него большой внимательности, а именно: наблюдению в окно автобуса, за которым (как утверждают все водители автобусов, в зависимости от выбранного ими скоростного режима) перемещаются в обратную сторону всякие объекты внешнего мира, из которых, по большей части, он и состоит. Что для самого наблюдателя кажется в корне неверным и, скорее всего, вызвано бахвальством этих, всегда старающихся выделить себя, как ведущих, водителей автобусов.

Для Ильи, как и для многих людей, в качестве пассажиров наблюдающих за перемещениями объектов мира в окно, существует своя истина, в которой однозначно звучит: если бы

не они – вряд ли перемещение автобуса имело бы какой-нибудь смысл, а значит, они, может быть, не технически, но каким-то неведомым способом, не только заставляют двигаться это транспортное средство, но и объекты за окном. И не будь их, наблюдающих за этими объектами, то вряд ли бы они смогли прийти в движение, так и оставаясь на одном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.